

ЭМИЛИО Д'АЛЕССАНДРО

СТЭНЛИ
КУБРИК

С ШИРОКО ОТКРЫТЫМИ
ГЛАЗАМИ

Иконы кино. Биографии великих деятелей кинематографа

Эмилио д'Алессандро
**Стэнли Кубрик. С широко
открытыми глазами**

«ЭКСМО»

2012

УДК 791.633 Кубрик С.
ББК 85.374(3)-8 Кубрик С.

д'Алессандро Э.

Стэнли Кубрик. С широко открытыми глазами /
Э. д'Алессандро — «Эксмо», 2012 — (Иконы кино. Биографии
великих деятелей кинематографа)

ISBN 978-5-04-094230-5

За годы работы Стэнли Кубрик завоевал себе почетное место на кинематографическом Олимпе. «Заводной апельсин», «Космическая Одиссея 2001 года», «Доктор Стрейнджлав», «С широко закрытыми глазами», «Цельнометаллическая оболочка» – этим фильмам уже давно присвоен статус культовых, а сам Кубрик при жизни получил за них множество наград, включая престижную премию «Оскар» за визуальные эффекты к «Космической Одиссее». Самого Кубрика всегда описывали как перфекциониста, отдающего всего себя работе и требующего этого от других, но был ли он таким на самом деле? Личный ассистент Кубрика, проработавший с ним больше 30 лет, раскрыл, каким на самом деле был великий режиссер – как работал, о чем думал и мечтал, как относился к другим. Пообщавшись со всеми современниками и родственниками Кубрика и изучив все его фильмы, автор представляет нам новый портрет режиссера – великодушного, доброго и заботливого, любящего свою работу и ценящего каждый миг жизни.

УДК 791.633 Кубрик С.
ББК 85.374(3)-8 Кубрик С.

ISBN 978-5-04-094230-5

© д'Алессандро Э., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	40
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эмилио д'Алессандро Стэнли Кубрик и я. Биография режиссера глазами его ассистента

Emilio D'Alessandro e Filippo Ulivieri

Stanley Kubrick e me

© il Saggiatore S.p.A., Milano 2012

© Шальнов И., перевод на русский язык, 2018

© Сажина Д., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Очень приятно, я – Стэнли Кубрик

В офисе кинокомпании Hawk Films гигантский белый фаллос отражал свет с потолка. Сбоку стояли два молодых человека, неподвижно уставившись на него.

Была половина десятого вечера. На улице шел дождь, мне было холодно и хотелось пойти домой. Я колесил по всему Лондону более 18 часов только для того, чтобы узнать, что последняя важная доставка, которая мне предстояла, – это огромный фарфоровый член.

«Эй, – сказал я, напугав их, – помогите мне отнести эту штуку». Мы вынесли это к «Минксу» (марка автомобиля), но, как мы и боялись, он не поместился в багажник. Мы положили его на переднее сиденье. Конец высовывался из переднего окна: «Не думаю, что у вас есть покрывало, так ведь?»

Из Associated British Pictures Studios в Бoremвуде я на автомобиле поехал в Темзмид, модернистское местечко на правом берегу Темзы. Черный лед замедлял мой путь, и прошло около полутора часов, прежде чем я достиг пункта назначения. Груз рядом со мной прыгал вверх и вниз, как будто он был живой. Для какого фильма, черт возьми, он предназначен?

Когда я прибыл, двое других молодых людей ждали меня. Они открыли дверь машины, вытащили эту штуковину наружу и сказали мне ждать: я должен был забрать посылку обратно. Они ушли, неся его на руках как младенца, а затем принесли его назад, не сказав ни слова. Я был сбит с толку. Не только из-за особенного груза, но и от чрезмерной подозрительности, окружавшей весь этот эпизод. Я сел в машину и поехал домой, к Жанет. Когда я встретился со своим боссом Тони в полночь, то подтвердил, что ухожу в двухнедельный отпуск, о котором попросил, и пожелал ему счастливого Рождества: 1970 год подходил к концу, а у меня не было ни одного выходного почти два года.

Отпуск в родительском доме в Сант-Анджело прошел быстро. Когда я вернулся в Англию, на столе в «Миникэбах Мака» (Mac's Minicabs) меня ждала записка. В ней говорилось, что с момента моего ухода мне каждый день звонили с Hawk Films. Они хотели, чтобы именно Эмилио Д'Алессандро занимался всеми последующими доставками. В конце записки говорилось: СПРОСИТЬ МИСТЕРА ХАРЛАНА.

«Миникэбы Мака» практически спасли меня. Потеряв работу из-за забастовок шестидесятих годов, я провел недели на бирже труда, ожидая, что что-нибудь произойдет. Я верил в то, что благодаря всем работам, на которых я трудился на протяжении 10 лет в Англии, я мог рассчитывать на что-то. Писатель, садовник, уборщик в клинике, помощник повара в больнице, механик, рабочий завода, работник бензоколонки и автогонщик – все это на одном листе бумаги должно было произвести одинаково хорошее впечатление на любого потенциального работодателя. Между тем я каждый вечер тащился домой деморализованным. Мы с женой пробовали все. Мы даже сдали в аренду наш дом и переехали к моему брату в Уэльс, но это ничего не поменяло. Через шесть месяцев на нашем сберегательном счете осталось всего пять фунтов. Этого было недостаточно даже для того, чтобы делать покупки. Если бы я не нашел работу в течение недели, я не смог бы накормить своих детей и сделать выплату по ипотеке – дом был бы изъят за неуплату.

«„МИНИКЭБЫ МАКА“, КАТАЙТЕСЬ КОГДА ХОТИТЕ, ЗАРАБАТЫВАЙТЕ СТОЛЬКО, СКОЛЬКО ХОТИТЕ, РАБОТАЙТЕ СТОЛЬКО ЧАСОВ, СКОЛЬКО ХОТИТЕ!» – это то, что говорилось в объявлении. Я потратил последние монеты, лежавшие в моем кармане, в газетном киоске на журнал с объявлениями о дешевой работе для отчаявшихся. Другие объявления были не лучше, а это, по крайней мере, было связано с моей самой большой страстью

– машинами. Мне было нечего терять, поэтому я позвонил по объявлению и договорился о встрече в тот же день в их офисе, в Боремвуде.

Управляющий «Миникэбов» Тони МакДонах показал мне, что и как. Он объяснил, что эта работа – работа частным таксистом без фиксированного рабочего времени. В Боремвуде и близлежащем Эльстри родились British National Studios, киностудии Metro Goldwyn Mayer и EMI Films, прозванные Британским Голливудом. У «Миникэбов Мака» был заключен эксклюзивный контракт с некоторыми компаниями, и они предоставили транспорт для менеджеров, руководителей и актеров. У компании «Миникэбы» были свои клиенты, и водители получали процент от дохода в конце недели. Чем больше я работаю, тем больше зарабатываю. «Двадцать четыре часа в день, если хотите», – сказал Тони. Я не нуждался в каких-либо специальных лицензиях или документах, было достаточно обычных водительских прав. Взгляд Тони остановился на пункте «гонщик „Формулы Ford“» в моем резюме, и он немедленно протянул мне договор и предложил работу.

«Под более высокую недельную комиссию мы сдаем в аренду лимузины, если вы хотите иметь дело с важными клиентами», – сказал он мне по дороге на автостоянку.

«Нет», – сразу ответил я, зная, что не могу позволить себе отдавать им более высокий процент. «Я буду использовать свою машину», – и я подмигнул, заводя свой «Форд Капри» (Ford Capri), который купил в Кардиффе.

Это произошло в пятницу, выходные были не за горами, и люди собирались провести вечер в ресторанах, пабах или кинотеатрах. Тони дал мне адрес моих первых клиентов; я пригласил их в «Капри» и отвез в пункт назначения. В дополнение к тарифу я получил десятку. К концу вечера я понял, что заработал невероятную для меня сумму денег.

Я вошел домой, поднялся наверх и обнаружил, что Жанет уже лежит в постели. Я спокойно разделся, чтобы не разбудить ее, но она, не оборачиваясь, прошептала: «Который час? Как все прошло?» «Хорошо, – ответил я, прижимаясь к ней и обнимая ее обеими руками. – Все в самом деле прошло хорошо. Теперь ты можешь спать спокойно. На самом деле».

Эксклюзивные контракты Тони включали в себя юридическую бумажную работу для продюсерских компаний, поэтому в некоторые дни я перевозил посылки, полные контрактов, чеков и продюсерских документов. Я ожидал в роскошных холлах в центре города, чтобы мне вернули подписанные документы. Hawk Films, вероятно, была одной из этих компаний, хотя я не могу сказать, что я действительно помню все их названия.

Ян Харлан, стройный, хорошо одетый мужчина с густыми каштановыми волосами и усами, пригласил меня и попросил отвезти его жену Марию с детьми в аэропорт. В течение следующих нескольких дней он продолжал просить меня и оставил Тони список дел для меня. Доставка была предметом максимального приоритета. Было нелегко понять, чем на самом деле занимались в Hawk Films: *снимали фильмы или снимали людей*, но у меня не было причин для беспокойства, мне нужна была работа. Как-то мне удалось увидеть кое-что отличное от обычной езды туда-сюда: входная дверь белого дома на отшибе за деревней Уэл Энд была приоткрыта, и я увидел, как почти дюжина кошек преследуют друг друга и игриво катаются по коричневому ковру; почти сразу член съемочной группы захлопнул передо мной дверь.

В Hawk Films было особое требование, чтобы каждое задание было завершено вовремя, *без сбоев*. Всегда был крайний срок, время доставки. Я должен был уважать это, и мне была разрешена погрешность в 15 минут. После моей встречи с мистером Харланом у меня не было прямой связи с ними: каждое утро секретарша «Миникэбов Мака» давала мне список задач, которые были продиктованы ей по телефону. Каждый раз, когда я возвращался в офис, там накапливалось еще много работы. Однако однажды кто-то из офиса Hawk Films позвонил и попросил поговорить со мной лично.

– Вам интересна работа в кино?

– Кино? Нет, я вожу машины, – ответил я, до конца не понимая вопрос.

– Очень хорошо, – был ответ. Больше не раздалось ни слова.

– Меня интересует работа, – сказал я, чтобы нарушить повисшее молчание, – двадцать четыре часа в сутки, если потребуется.

– Это как раз то, что мы ищем. Кого-то, не привязанного к графику, – сказал смеющийся голос. – Так вы хотели бы работать на нас? Я имею в виду только на нас?

Несколько дней назад Джон Уэйн спрашивал меня то же самое. Сидя на заднем сиденье «Хилман Минкс», он выглядел так же, как на экране. Со своими тонкими губами и щелевидными глазами, он молча смотрел на меня с экрана зеркала заднего вида. После нескольких дней непрекращающейся тишины на дороге между Shepperton Studios и Pinewood Джон Уэйн наконец открыл рот и предложил мне работать только на него. Предложение заставило меня задуматься: работа в кино означала, что я буду постоянно в движении, от одной съемочной площадки к другой, особенно в мексиканских пустынях, где они снимали вестерны... Был риск того, что это окажется непостоянной работой. Зато стабильной работой было то, что предлагали в Hawk Films, с их постоянной базой в Лондоне. Я взглянул на него в зеркало и, не оборачиваясь, сказал: «Нет, я не соглашусь». Десятки раз я видел, как он пристреливает плохого парня, но внутри «Минкс» он просто сказал «Я понимаю», и отвернулся.

– Меня это устраивает, – ответил я голосу в телефоне, – но у меня все еще договор с «Миникэбами».

– Мы об этом позаботимся, – сказал голос, – мы достигнем с ними соглашения по вашему договору.

Так это и было. Весной 1971 года я начал работать на Hawk Films, с шести утра до обеда. Конечно, были перерывы, когда я мог отдохнуть, но, как только зазвонит телефон, я должен был быть в полной готовности. Это было тяжело, но я чувствовал себя отлично. Мне скоро должно было исполниться 30, и у меня снова была постоянная работа.

Однажды, спустя пару месяцев, мистер Харлан послал меня в Эбботс-Мид, в дом за северо-восточным пригородом Лондона. Он находился на полпути к Барнет-Лэйн, на трехполосной дороге с высаженными вдоль деревьями, которая тянулась через общину Эльстри и Боремвуд.

Меня встретили закрытые металлические ворота без звонка. Я попробовал их толкнуть, и они медленно открылись. Я припарковал машину на посыпанном гравием дворе под ветвями двух больших деревьев. Я позвонил в звонок, и довольно высокая леди с широкой улыбкой открыла входную дверь. Она представилась секретарем Кей.

– Вы Эмилио? – спросила она. – Вы знаете, на кого вы работаете?

– Да, на Hawk Films.

– Кое-кто хочет встретиться с вами. Он будет здесь через минуту.

Несколько минут спустя два золотистых ретривера выбежали через одну из дверей коридора, сопровождая бодро выглядевшего мужчину около сорока.

– Доброе утро, – сказал он, протягивая руку.

– Доброе утро, – ответил я. Мы пожали друг другу руки.

Он был немного выше меня и носил внушительную курчавую черную бороду. Он был похож на Фиделя Кастро.

– Я – Стэнли Кубрик, – сказал он, смотря мне в глаза.

Наступило молчание. Наверное, ожидалось, что я скажу что-то. Я ничего не сказал, кроме: «А я Эмилио Д'Алессандро».

Не отпуская моей руки, он достал вырезку из газеты из своего кармана.

– Это вы?

Это была старая статья 1968 года, в которой рассказывалось о моей карьере гонщика «Формулы Ford».

– Да, это обо мне, – ответил я.

– Вы так же водите на наших дорогах?

– Нет, вы, должно быть, шутите! Только когда я на кольце.

– Вы уважаете ограничения скорости и дорожные знаки?

Это был вопрос с подвохом?

– Конечно, – ответил я, – я должен уважать правила дорожного движения. Любое нарушение повлияет на мою лицензию автогонщика. Я потеряю очки, и мой счет отразится на моем рейтинге. Мне нужно быть осторожным, даже когда я паркуюсь.

Улыбка проявилась сквозь его бороду.

– У меня Мерседес 280SEL, автомат. Думаете, смогли бы водить его без каких-либо проблем?

– Это машина, которая делает половину работы за тебя. Думаю, я могу справиться с оставшейся частью.

– Тогда давайте попробуем. Почему бы вам не отвезти меня с женой в оперу сегодня вечером?

Он забрал свою ладонь и в сопровождении псов ушел назад в комнату. Прежде чем он закрыл дверь, я увидел, как на столе зевает и протягивается кошка. Я улыбнулся.

Секретарь объяснила мне, что этот человек – Стэнли Кубрик – был известным американским режиссером, который уже несколько лет живет в Англии. Я никогда не слышал о нем. В те дни я никогда не ходил в кино; у меня не было времени. Я развозил множество актеров, актрис и продюсеров, но мое знакомство с миром кино не продвинулось дальше рукопожатий и чаевых. Мне приходилось видеть актеров только во плоти.

– Вы польщены тем, что познакомились с ним? – спросила секретарь.

– Ну, – выпалил я, пытаясь придумать, как сказать что-то вежливое. – Я рад, что он честный и уважаемый человек; это значит, что ко мне он тоже будет хорошо относиться.

Тем вечером, когда я вернулся в Эбботс-Мид, чтобы забрать мистера Кубрика и его дружелюбную улыбающуюся жену Кристиану в Королевскую оперу, я извинился за то, что не узнал его. Автомобили, а не камеры были моим миром. Я даже не знал, как правильно держать камеру. Его жена громко рассмеялась над моими словами, и он сказал мне, что это ничуть не важно.

Через два часа, после представления, мистер Кубрик спросил, не возражаю ли я, если мы возьмем еще одного пассажира. Он подвинулся, чтобы впустить молодую и очень элегантную леди. Он представил ее мне как Гвинет Джонс, добавив: «Она известная оперная певица». Очевидно, он думал, что я никогда не слышал о ней раньше.

– Нам надо остановиться у одного ресторана, ты не против подождать нас, пока мы что-нибудь съедим? Это «Мумтаз» (Mumtaz). Знаешь, где он находится?

– На полпути вниз по Парк-Роуд, я бывал там раньше.

– И как там еда?

– Вообще-то я имел в виду, что я отвозил клиентов туда. Я никогда не был внутри, но снаружи я могу сказать, что он выглядит как хорошее место.

– О'кей... Но разве тебе не нужна карта? – он добавил: – Мой водитель всегда ездит с картой в руке.

– Если вы не знаете улицы Лондона после двух лет вождения такси, то вам лучше эмигрировать!

На следующий день мистер Кубрик попросил меня доставить его к американскому посольству на Гросвенор-Сквер, чтобы обновить свой паспорт. Затем он направился на Вардур-Стрит в лондонский офис Warner Bros., – американской компании, которая финансировала его фильмы. Я уже собирался снова сесть в «Мерседес», но мистер Кубрик остановил

меня: «Ты не возражаешь, если мы поедem на твоей?» До того, как я успел возразить, что «Минкс» – просто супермаленький и нигде не будет так комфортно, как в «Мерседесе», он уже оказался на заднем сиденье.

Кубрик молча осмотрелся. Через несколько минут он сказал: «Симпатичная машина, она новая?»

– Нет, я купил ее со вторых рук. Ей как минимум три года. Тут изрядное количество миль на счетчике.

– Выглядит новой. Она в лучшем состоянии, чем мой «Мерседес». Ты сам следишь за ней?

– Да, но это не требует больших усилий: просто протираю влажной тряпкой, чтобы избавиться от пыли.

– «Мерседес» не выглядит так чисто, даже когда возвращается из мойки. Все работает?

– Пока что да...

Повисло долгое молчание.

– Почему ты водишь так осторожно?

Он ожидал от гонщика «Формулы Ford», что тот будет более агрессивным: все эти визжащие шины и свистящие крутые повороты. Я объяснил, что это был один из самых важных уроков, которые я получил на курсах Brands Hatch Motor Racing Club: если вы войдете в поворот слишком быстро, когда управляете автомобилем на улице, то рискуете заносом. «Представьте себе, что у вас есть стакан с водой, стоящий посреди капота, – говорил нам Тони Ланфранчи. – Когда вы входите в поворот, вода может наклониться, но не настолько, чтобы она разлилась. Если вода окажется на капоте, вы допустили ошибку».

Тони был тем, кто научил меня всему, что я знал об автогонках: он был потрясающим водителем. Он знал, как входить в повороты, на уровне инстинктов и пытался научить меня делать это. «Коснись передними колесами края обочины, а затем забудь о повороте, подумай о том, чтобы прибыть в пункт назначения по кратчайшей возможной траектории. Ты должен предвидеть: твой мозг должен выстроиться в одну кривую с твоим телом». Затем он сказал: «Научись чувствовать, как вибрирует автомобиль, если твои шины теряют сцепление. Предчувствуй и это. Подобно тому, как врач обнаруживает болезнь, прежде чем она проявится, ты должен понять, что ты скользишь еще до того, как на самом деле начнешь скользить». Беспокоил ли я Кубрика, говоря так много? Энтузиазм и ностальгия унесли меня. Но в зеркало заднего вида я мог видеть, что он заинтересовался и внимательно слушал, поэтому я добавил, что Тони также был советником Джона Франкенхаймера на Гран-при. Он также водил все одноместные автомобили, стараясь изо всех сил, чтобы предоставить директору самые захватывающие снимки.

– Такой звук слышится, когда что-то сломалось? – спросил он, заметив скрипучий звук, исходящий от колес.

Я получал удовольствие, отвечая на такие вопросы, потому что не мог поговорить о машинах с Жанет – ей моментально становилось скучно.

– Должно быть, камень застрял между тормозным диском и кожухом.

Я остановился на ближайшей стоянке для грузовиков, вышел из машины и аккуратно пнул.

– Это опасно?

– Нет, не беспокойся.

В следующий раз, когда я затормозил, колесо не издало ни звука.

– Как ты это узнал?

– Это случалось раньше. Такое случается иногда.

Он не сказал ни слова, пока мы не остановились перед посольством. Он попросил меня припарковаться на ближайшей обочине и подождать. Я ждал почти три часа, и когда он вер-

нулся к машине, то был довольно раздражен. «Пустая трата времени! – проворчал он. – Ты можешь приехать и забрать мои документы в следующий раз? Я дам тебе подписанную доверенность».

Когда мы приехали в Эбботс-Мид, во дворе роились занятые секретари и помощники. Кубрик показал мне сарай с левой стороны двора и остановился перед двумя 146-ми «Вольво», «купленными недавно», и желтым 240-м, на котором «ездит только Кристиана». Он указал на фургон «Форд» и микроавтобус «Фольксваген», припаркованные у сарая чуть дальше. Оба они принадлежали Hawk Films и использовались, чтобы доставлять на съемочную площадку материалы и оборудование. Для тех же целей был предназначен пикап «Фольксваген» с кузовом, прикрытым брезентом.

На другой стороне стоял потерявший свою белую окраску «Лендровер». Он прибыл из реквизита для его последнего фильма, где использовался как полицейская машина. На крыше все еще были прикреплены синие огни. Он сказал мне, что его жена использовала «Лендровер» для поездок на близкие расстояния от дома. Напоследок он сказал: «Не мог бы ты почистить их все? Я хочу, чтобы они были как твои. Но тебе нужно почистить только „Мерседес“ изнутри».

Мне нравилось водить этот чудесный автомобиль. Он был тихим и комфортным. В первый раз, когда я попал туда, меня поразили ремни безопасности. У них были крепления как на гоночных автомобилях, где ремни шли от плеча до паха.

Во время нашей следующей поездки в Лондон Кубрик снова уселся сзади и говорил даже меньше, чем в прошлый раз. Я тоже ничего не говорил, позволив ему читать его документы. Только после того, как мы проехали много миль, он заметил, что, несмотря на то что на его «Мерседесе» стоял полный автомат, он не заметил разницы с моим «Минксом».

– Это потому что я пользуюсь одной и той же ногой.

– Я чувствую себя менее расслабленно, если там находится чья-то другая нога.

«Я оставлю тебя с Андросом», – сказал он, когда мы вернулись в Эбботс-Мид, и исчез в маленькой комнате, пристроенной к дому сбоку. Молодой человек с такой же черной взъерошенной бородой и с пронизательным взглядом возник передо мной и представился Андросом Эпаминондасом, личным ассистентом Кубрика.

«Он ушел в комнату для дубляжа, – объяснил он, – мы сейчас снимаем фильм». Он показал мне маленькое квадратное здание рядом со входом во двор. «Я покажу вам нашу штаб-квартиру», – усмехнулся он, и, когда мы поднялись по лестнице на первый этаж, он рассказал, что он из Греции: ему было двадцать семь лет, и у него была страсть к кино. Несмотря на постоянные протесты со стороны семьи, он решил работать в кино. Я испытал точно такое же сопротивление моему интересу к автогонкам. Он говорил открыто и жизнерадостно, и я сразу привязался к нему.

«Здесь я провожу большую часть моего времени, в основном на телефоне, – сказал он, указывая на свой стол. – Кабинет Яна, секретаря, и кабинет бухгалтера – вот здесь. Есть еще несколько комнат, которые мы используем для хранения вещей. Стэнли предпочитает работать дома, но здесь и во флигеле не хватает комнат на всех, поэтому он арендовал ту часовню. Это здание, которое ты видел слева перед тем, как въехал в ворота».

Андрос работал с Кубриком уже больше года. Он рассказал мне о всем многообразии трюков, которые используют управляющие Эбботс-Мид: он рассказал, как комнаты пустеют и заполняются, о фургонах для перевозки мебели и освобожденных локациях. Он сделал дом Кубрика похожим на фабрику. «Если нам нужна пустая комната, – добавил он, – мы грузим все в контейнер и отправляем его на склад, который мы арендуем в Буллене, недалеко от Боремвуда». Я слышал, как Андрос называл комнаты «хранилищем» по меньшей мере десять раз, и я спрашивал себя, как у них могут быть проблемы с хранением вещей на всем этом пространстве.

Когда мы спустились во двор, он сказал мне, что Кристиана использовала первый этаж флигеля для того, чтобы писать свои картины. Она проводила много времени, рисуя растения

и цветы, которые выращивались в теплицах, а также местные сельские пейзажи. Это была ее территория: в окружении холстов и запаха темперы, а также классической музыки и лирических опер, которые составляли ей компанию. Я заметил трех золотистых ретриверов, дремавших в тени деревьев в саду: «Это Тедди, Фиби и их мать Лола. У нас также водятся три кошки». Он назвал такой длинный список имен, что я не мог угнаться за ним. «Всегда помни, что ты никогда не должен оставлять Фредди и Лео вместе. Они дерутся так остервенело, что неизменно разрушают все вокруг. На первом этаже дома есть комната, специально для них. Они занимают ее по очереди: один в комнате, другой в саду. Да, – закончив, он серьезно взглянул на меня: – Я бы сказал, что это самое главное».

На следующий день, в семь утра, Андрос ждал меня на первом этаже флигеля с чашечкой американо. Он протянул мне стопку конвертов, чтобы я отвез их в Лондон. По возвращении я должен был пересесть в «Мерседес», чтобы развезти некоторых сотрудников Кубрика. Несмотря на то что съемки фильма были окончены, он все еще звал к себе домой некоторых людей, и моей работой было подвозить их. Мой рабочий день был почти таким же, как когда я работал в Hawk Films и знал только Яна Харлана. Хотя получение списка задач стало более веселым: Андрос пользовался каждой возможностью, чтобы подкалывать меня и шутить почти обо всем на свете, смеясь от души.

Несколько дней я выполнял задания, которые надавал мне Андрос, но однажды утром я снова увидел Кубрика: «Эмилио, мне нужно съездить в Лондон». Как только он сказал это, то сразу оказался в машине. В отличие от других актеров и режиссеров, которых я возил в «Миникэбах», Кубрик не дождался, когда я открою для него дверь. Он был так быстр, что добрался до машины раньше меня. Все чаще и чаще он выбирал «Минкс», а не «Мерседес», которым управлял его пожилой шофер Лесли. Кубрик снова говорил немного, когда ехал в машине. Он читал различные документы и делал заметки в своей записной книжке, которую всегда быстро клал на место во внутренний карман пиджака. Когда он открывал рот, оттуда всегда вылетал совершенно неожиданный вопрос.

– Ты перепробовал множество разных работ, – спросил он однажды днем, – какая твоя любимая?

– Гоночные машины – это моя страсть, остальное – просто работа. Надеюсь, у меня будет возможность участвовать в гонках в скором времени.

На мгновение я умолк.

– Можешь пообещать, что продолжишь работать на меня?

– Конечно. Если все будет так продолжаться, с большим количеством работы и соответствующим чеком в конце недели.

Он не возвращался к этой теме, пока мы не поехали домой. Вдруг он спросил, состою ли я в профсоюзе? Я услышал нотку надежды в его голосе. Для меня было достаточно услышать слово «профсоюз», чтобы в подложечной ямке завязался узелок. Он не дождался ответа и объяснил, что ему нужен ассистент, который не связан английской рабочей неделей с восьми до шести. «Это пустая трата времени – заканчивать работать в шесть. Остается еще целых полдня, – прокомментировал он просто. – Мне нужно, чтобы ты был тогда, когда ты мне понадобишься, даже если это означает вечером после обеда. Когда я снимаю фильм, мне нужно, чтобы я мог положиться на своих ассистентов всегда». Он подчеркнул последнее слово, сказав его медленно. Внезапно он стал болтливым: добавил, что человек, которого он искал, должен помогать ему в решении самых различных задач. Он должен был быть водителем, курьером, секретарем, менеджером автомобилей для служебных задач и так далее. Это не соответствовало нормам труда, принятым в английских профсоюзах, которые чрезмерно категоризировали работу. Эта сегментация означала, что для выполнения того, что он считал работой для одного человека, профсоюзы требовали бы нескольких человек. Он считал это еще очередной тратой времени. «Когда мы будем работать вместе, мне нужно будет передавать тебе блокноты,

заметки, камеры... Мне нужно, чтобы я мог положить блокнот тебе в карман, не думая, что это нарушает правила профсоюза. Если бы я следовал этим правилам, мне нельзя было бы тронуть тебя даже пальцем».

– Я понимаю, – ответил я, когда он закончил говорить. – Если помощь означает следование этим чрезмерно требовательным правилам, она будет не очень-то полезной, да?

– Точно. Не следует вестись на то, что говорят профсоюзные активисты. Я дам тебе все, что тебе может когда-нибудь понадобиться.

В тишине салона автомобиля я думал, как чудесно было бы, если бы то, что сказал Кубрик, было правдой. Я больше никогда не собирался верить профсоюзам, это точно. Когда волна забастовок в шестидесятых годах дошла до фабрики чулочно-носочных изделий в Боремвуде, где я работал, мои коллеги заверили меня, что профсоюзы защитят нас и что можно не беспокоиться о нашей зарплате. Тотальная забастовка продолжалась, и я чувствовал, что нахожусь в одиночестве среди всех этих подверженных эйфории людей, думая о том, что в то время мне казалось очевидным: мы не работаем, мы не производим чулочно-носочные изделия, поэтому нечего продавать, нет выручки, нам не заплатят. Фактически завод закрылся. На телевидении шли бесконечные дебаты, но я был несильно образован, и они были слишком сложны для меня. Я не мог понять, кто был прав: лейбористы, которые поддерживали забастовку, или консерваторы, которые выступали против нее. Рабочие, которые протестовали за лучшую зарплату и сокращение рабочего времени, или руководство, которое демонстрировало цифры и статистику, чтобы показать, что это просто невозможно. Единственное, в чем я был уверен, – это в своей злости на то, что я потерял работу, а вместе с ней и будущее, которое я собирал по кусочкам, а также в том, что мне будет стыдно вернуться домой и посмотреть Жанет в лицо. Под конец этих тяжелых месяцев она дала мне тарелку с супом и оставила меня есть за столом в одиночестве. Когда я спросил ее, дала ли она Маризе и Джону что-нибудь поесть, она неуловимо ответила: «Да, конечно». «А что насчет тебя? Ты-то что-нибудь поела?» – спросил я. «Да, не волнуйся», – ответила она незамедлительно, но я знал, что это неправда: она всегда отвечала на этот вопрос, стоя спиной ко мне. Отчаяние, беспомощность и застойный запах нищеты, который заполнил наш дом, – я никогда этого не забуду.

«Эмилио, помоги мне подвинуть весь этот хлам!» – Андрос махал руками, чтобы привлечь мое внимание. Он находился в кладовой за кучей сундуков. Работая в Сант-Анджело, я погрузил много мешков с цементом и другого барахла. Работа руками, конечно, была для меня не проблемой. Однако вместо того, чтобы сказать спасибо, он начал насмехаться надо мной. «Давай, ты, ленивый ублюдок! Разве ты не сказал, что тебе нравится работать?» – ворчал он сквозь усы. Но взгляд моих глаз остановил его, и он рассмеялся над удивленным выражением моего лица. Андрос, не переставая, дразнил окружающих: когда я звонил утром, чтобы разбудить его, он говорил, чтобы я шел куда подальше, и бросал трубку. Когда я добирался до Эбботс-Мид, он уже был там и предлагал мне кофе: «Давай посмотрим, о чем дядя Стэнли попросит нас сегодня».

Если я был курьером и водителем, то Андросу лучше всего подошло бы описание фильтра между офисом и внешним миром. Он проводил весь день на телефоне, дергая за крепко связанную паутину контактов, что позволило ему выследить любого, кто понадобится Кубрику, за пять минут. Какая бы проблема ни вставала, он всегда знал, с кем связаться. Он организовывал встречи, спрашивал советы экспертов и следил за тем, чтобы все прошло гладко. Когда я не возил Кубрика куда-то, он заботился и обо мне и учил меня тому, как все работает в Эбботс-Мид.

– Мы не можем ждать вечно, пока нам что-то доставят. Прыгай в машину, езжай и забери это сам. Никогда не попадайся на холостом ходу. Стэнли смотрит на тебя. Ты можешь его не видеть, но он есть.

– Кто он, дар бога роду человеческому?

– В определенном смысле, – кивнул он серьезно.

В другой раз он говорил: «Если устройство сломано, разберись, как оно работает, и попытайся починить его самостоятельно, пока ты ждешь техника. Если ты разберешься к тому времени, когда он придет, отправляй его домой. Так ты сможешь ему сэкономить и его время».

Старая поговорка «Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам» – это правда. Версия Эбботс-Мид получилась такой: «Если хочешь, чтобы что-то было сделано, сделай это».

Ознакомительный курс Андроса включал в себя также семинар по животным, которые обитают в доме: «Тебе нужно быть с ними очень осторожным, очень-очень осторожным». Пока мы оба пытались затолкать Фредди в его клетку, чтобы они с Лео могли поменяться местами, Андрос рассказал мне о том, как однажды кот забрался на вершину одного из деревьев во дворе перед домом. Он начал громко мяукать, и, хотя Андрос умолял кошку вести себя тихо, Кубрик услышал это, прибежал и впал в панику. «Ты не представляешь, какая неразбериха тут началась, – признался он, – Стэнли постоянно говорил: „Вызовите пожарную бригаду! Позвоните ветеринару! Звоните Кристиане!“ , ну и почти всем, кто когда-либо бывал в Эбботс-Мид». Андросу пришлось не только вызвать пожарную бригаду, но и помочь Фредди спуститься без помощи лестницы.

– Но вы поступили неправильно, – сказал я, смеясь, – вы должны были оставить Фредди на дереве. Ему бы пришлось спуститься самостоятельно.

– Конечно, – иронично ответил он, – я бы посмотрел, как ты говоришь ему: «Не беспокойся, Стэнли, кот спустится, когда сочтет нужным». Тут ничего не поделаешь, когда замешаны животные, совершенно ничего не поделаешь.

Когда мы шли через двор, возвращаясь в офис во флигеле, Андрос остановился перед дверью сарая. «Ты же можешь управлять грузовиками?» Он распахнул дверь, и в полумраке я разглядел прочно выглядящий желтый грузовик с очень большими колесами и необычайно высокой подвеской.

– Желтая подводная лодка? – спросил я в шутку.

– Это чертов «Юнимог»! – объяснил Андрос в своей яркой манере, – «Мерседес» разработал его для военных. Трудно управлять, потому что у него шестнадцать передач и настолько жесткий руль, что понадобится четыре руки, чтобы повернуть его!

Он завел его, и рев двигателя зазвучал как концерт для симфонического оркестра. Андрос нашел его сам. Он принадлежал землевладельцу, который купил его у НАТО для использования в деревне, но вскоре после этого продал, потому что он потреблял слишком много топлива. Стэнли любил все военное и поэтому купил его, даже не думая, будет он им пользоваться или нет. Андрос предполагал, что, поскольку он был компактным, на нем было бы полезно перевозить тяжелые грузы на съемочную площадку. Но никто не смог управлять им, поэтому он был заперт, собирая пыль в Эбботс-Мид, как старый трофей.

В то утро я помыл его внутри и снаружи, убрал паутину и смазал двигатель. Технически он был в хорошем состоянии, просто грязным. Я провел рукой по закругленному кузову и кованым железным бамперам. Я не мог дождаться возможности завести двигатель и поехать на нем. Невероятно прочная ходовая часть была сделана из железных балок размером с железнодорожные рельсы, соединенных огромными болтами. Он был поднят на высоту почти полметра от земли и создавал впечатление, что на нем можно легко заехать вверх по лестнице. Воздухоотвод выступал из крыши как гриб, а это значило, что даже если половина автомобиля окажется под водой, двигатель все равно продолжит работать.

– Я надеюсь, что ты сможешь с ним справиться, потому что Стэнли просто обожает его, – сказал Андрос.

– Увидишь: через пару часов мы вернем его к жизни.

Я забрался в кабину. Там было два места на жестких металлических сиденьях. Пространство между сиденьями занимала панель с кучей рычагов и кнопок. Когда я завел двигатель, все начало громко трещать: кабина была сделана из железа, и не было никакой звукоизоляции. Звучало так, будто я завел пневматическую дрель.

Сначала я нашел задний ход, а затем первую скорость. «Юнимог» медленно тронулся. Стэнли услышал рев двигателя и позвонил Андросу во флигель.

– Кто за рулем «Юнимога»?

– Эмилио.

– А он знает о 16 скоростях? Как они работают?

– Если бы он не знал, он бы уже уничтожил половину дома.

– Тогда ладно. Отдай ему ключи. Пусть заводит двигатель раз в неделю.

Сидя в кабине едущего по Барнет-Лэйн грузовика, я чувствовал, что лечу. Нужно было дважды выжимать сцепление, чтобы избежать стирания передач. Два толчка рычага передач и одно нажатие педали сцепления. Можно было использовать только некоторые из шестнадцати передач: с четвертой на шестую, затем на девятую и так далее; три за раз. Самые низкие передачи были предназначены для того, чтобы «Юнимог» использовался без водителя: можно было заблокировать руль, включить первую или вторую скорость, и автомобиль поехал бы сам по себе. Это могло быть полезно, если вам, например, нужно было пересечь реку: «Юнимог» бы продолжал двигаться вперед, медленно и неустанно, как гигантская металлическая черепаха.

Внезапно я услышал резкий звук, и «Юнимог» начал бушевать. Коробку передач заклинило. Я остановился на обочине, позвонил Андросу и попросил его вызвать аварийный автомобиль. Когда я вернулся в Эбботс-Мид, Кубрик спросил меня, что случилось.

– Когда я не мог переключить скорость, то подумал, что сломался диск сцепления.

– Это серьезно? – спросил он меня немного обеспокоенно.

– Нет, просто нужно его заменить. Это довольно часто случается, когда автомобиль долгое время не используется.

Механик «Мерседеса» увез «Юнимог» и прислал отчет о ремонтных работах. Кубрик прочел, что металлические пружины, которые держали диск на месте, сломались; их сожрала ржавчина. «Как ты узнал об этом?» – спросил он, и я рассказал, что в прошлом я был механиком в Кассино. Моя работа заключалась в починке старых машин, у которых были подобные проблемы. «Ты можешь заняться техобслуживанием всех машин?» – спросил он и ушел в монтажную комнату, так и не дав мне время, чтобы ответить.

«Когда вы просите меня отвезти вас куда-нибудь, – спросил я у Кубрика однажды утром, пока мы ехали в Лондон, – вы хотите, чтобы я одевался официально, чтобы носил галстук?» Я не получил никаких инструкций по этому поводу, и все же было похоже, что в Эбботс-Мид существуют правила для всего. Я смотрел на Лесли в его элегантном темном костюме и белых перчатках и спрашивал себя, нарушал ли я какой-то неписанный закон.

«Святые небеса, нет! Одевайся, как хочешь!» – неожиданно взмолился он. Это была одна из первых приятных вещей, которые я слышал от Стэнли. Работая таксистом, мне приходилось носить куртку и галстук. Возможность неформально одеваться была облегчением. Когда я работал с ним, я носил белую рубашку и темные брюки. Я был одет хорошо, но неформально. Самое главное, что это была не форма. «Я вижу, что кто-то повлиял на ваш выбор одежды, – прокомментировала это его жена Кристиана. – Пожалуйста, продолжайте бриться, иначе совсем скоро я не смогу вас различать!»

Вначале Кристиана произвела впечатление простой и доброй женщины, которая ни капли не заинтересована в соблюдении формальностей. Тем вечером в машине я увидел, как она улыбается тем забавным вещам, которые говорил ее муж. В последующие дни она вела себя

похожим образом. Независимо от того, встречались ли мы во внутреннем дворе или она просила меня отвезти ее в Лондон в белом «Мерседесе». Она носила очень удобную красочную одежду с карманами, набитыми кистями, тюбиками темперы и другими принадлежностями для живописи. Я думал, что это прекрасно отражало ее характер. В отличие от своего мужа, который всегда сидел сзади, чтобы иметь возможность раскладывать свои документы на сиденье, Кристиана всегда сидела рядом со мной. Она никогда не заставляла меня чувствовать себя водителем, даже в самом начале. Она сама себе открывала дверь, включала радио и начинала болтать.

Она призналась мне, что тоже была иностранкой в Англии: она и ее брат Ян родились в Германии и выросли там. Она жила в Германии, пока не встретила Стэнли в Мюнхене, когда он снимал фильм. Я в свою очередь рассказал ей о том, как я встретил свою жену на рождественском завтраке в доме друга. Жанет было семнадцать. У нее были короткие, аккуратно расчесанные волосы и остроумная улыбка, которая не совсем соответствовала привлекательной застенчивости в ее глазах. Я наблюдал за ней какое-то время, и когда она наконец посмотрела на меня, то дружелюбно улыбнулась: движение ее губ, казалось, отразилось на всем ее лице, прищурив глаза и придав цвет ее щекам. Когда мы добрались до десерта, я безнадежно влюбился. Через несколько дней я пригласил ее на прогулку в Кэнонс-Парк. После того как я, несмотря на мою нервозность и плохое владение английским языком, целый день пытался сказать что-то интересное, Жанет попросила меня отвезти ее домой на моей «Ламбретте». На каждом перекрестке она шептала мне в ухо, куда поворачивать, и все крепче и крепче обнимала меня за талию. Через год мы поженились.

Кристиане тоже очень нравился Лондон. Несколько лет она жила со Стэнли в Нью-Йорке, но этот город был слишком хаотичен и опасен для нее. Впоследствии они переехали в Англию в связи со съемками фильмов мужа. Они оба любили спокойствие области к северу от города, с его посаженными деревьями дорогами, широкими тротуарами и хорошо ухоженными живыми изгородями. Это было идеальное место для воспитания детей. Государственные школы были превосходными, и Катарина, Аня и Вивиан прекрасно обосновались. Я объяснил, что Марисе было шесть, а Джону четыре. Слишком рано беспокоиться об их академической карьере. Тем временем Жанет зачислила их в начальную школу, ближайшую к нашему дому, на Фарм-Роуд.

Глава 2

Гонки со временем

Фильм, который делали в Эбботс-Мид, назывался «Заводной апельсин». Съемки были закончены, но по-прежнему оставалось уладить несколько мелких проблем. Пока Стэнли работал с командой по промоушену, я отправился к Малькольму Макдауэллу. Малькольм был звездой этого фильма, и Стэнли решил подарить ему одного из щенков Фиби. Это был золотистый ретривер, которого Стэнли назвал Алекс в честь героя Малькольма. Вместе с собакой Малькольм получил детальную инструкцию о том, как за ней ухаживать, включая информацию о том, в каких магазинах покупать еду, поскольку супермаркетам не следует доверять. В то время Малькольм жил на Бэйсуотер-Роуд в Ноттинг-Хилле. Поставщик еды для собак, которому доверял Стэнли, был оптовиком в Стокенчерче, на другой стороне Хай-Уикома, в 40 милях или около того на восток. Малькольм был в явном затруднении, когда надо было выполнять сложные инструкции по уходу за щенком, так что раз в месяц, когда я ехал покупать еду для собак Кубрика, Стэнли просил меня купить мешок еды и для собаки Малькольма. «Когда поедешь, убедись, что передаешь еду ему лично в руки. Так ты сможешь войти и посмотреть, как поживает собака. Проверь, хорошо ли он питается, есть ли у него вода, спроси, хватает ли ему физических нагрузок, выгуливают ли его на траве...»

Квартира располагалась в многоквартирном доме без сада с бетонным внутренним двором, так что собаке негде было покататься по траве, если только Малькольм не водил ее «как минимум раз в день», как просил Стэнли, через дорогу в Гайд-Парк. С нарастающим нетерпением Малькольм обратил мое внимание на то, что он берет Алекса на прогулку в парк: «И скажи об этом Стэнли, пожалуйста!»

В мои обязанности также входило помогать в демонтаже съемочных площадок и декораций: как и говорил Андрос, большая часть реквизита и оборудования хранилась в Эбботс-Мид и перемещалась на склады, только когда не оставалось ни единой свободной комнаты. Перевозя все эти вещи, я не мог не заметить, что большая часть картин Кристианы и других художников имеет эротическую направленность. Я даже переносил скульптуры обнаженных женщин и другие странные объекты. Фаллос, который я перевозил в прошлом году, очевидно, оказался в хорошей компании.

Я думаю, не все восприняли этот фильм правильно. На самом деле нужно сказать, что этот фильм в своей основе был довольно особенным, и в начале 1972 года, после того как «Заводной апельсин» довольно успешно показывали на больших экранах в течение нескольких месяцев, газеты наполнились ожесточенными дискуссиями. Фильм обвинили в разжигании насилия среди молодежи, и больше года после выхода его обвиняли практически в каждом эпизоде насилия, который происходил в Англии. Я не мог понять всей серьезности происходящего: как они могли раздуть это до такой степени? Я был убежден, что Стэнли слишком сильно беспокоится, но он беспокоился все больше и больше. Наконец, я спросил себя, кто он вообще такой? В конце концов, он просто режиссер, который снял... фильм. Каким образом все внезапно посходили с ума? Стэнли тоже не мог этого понять. Пресса освещала это так, словно любой человек, который посмотрел фильм, автоматически захочет делать то же самое, что и главный герой. Вся эта история озадачивала меня. В конце концов, как я и сказал ему, когда он спросил меня, что я об этом думаю, после просмотра вестерна вы не идете покупать пистолет и не начинаете обстреливать паб!

Я понял, что напряжение реально нарастает, когда в корреспонденции для Стэнли, которую я приносил каждый день, он нашел письмо с угрозой убийства. Оно было написано при помощи букв, вырезанных из газет.

– Никогда больше не прикасайся к этому письму, – сказал он, – и Кристиане ничего об этом не говори!

Мы с Андросом находили все более и более пугающие письма: угрозы, рисунки с бомбами и оскорбления, посылаемые Стэнли и его дочерям. Несколько раз нам приходилось вызывать полицию, чтобы они проверили, не начинены ли взрывчаткой и не опасны ли тикающие и вибрирующие посылки. С того самого дня я приносил письма только от известных отправителей. Остальные письма почта перенаправляла прямиком в Боремвудскую полицию. Стэнли также не понимал особенной «английской» природы проблемы. Фильм имел позитивный отклик везде, кроме Англии. Он действительно вызывал оживленные дискуссии и чуть более оживленные дебаты в прессе, но нигде он не вызывал столь враждебную реакцию, как в Лондоне и в других уголках страны.

В конце концов полиция попросила Стэнли вмешаться, и в 1974 году он принял решение снять «Заводной апельсин» с проката. Независимо от причин, по которым фильм наделал столько шума, его запрет сработал: угрозы перестали поступать, и постепенно жизнь вернулась в прежнее русло. Стэнли говорил мне, что думал о фильме как о лекарстве; именно это слово он использовал. И когда он понял, что лекарство не работает, он убрал его с рынка.

Секретарь, которая впервые встретила меня в Эбботс-Мид, ушла сразу после того, как завершились съемки «Заводного апельсина». В 1972 году, прежде чем приступить к съемкам нового фильма, Стэнли нанял нового личного секретаря, которую звали Маргарет Адамс. Когда я впервые встретил ее во флигеле, она говорила одновременно по двум телефонам и печатала с такой скоростью, что это звучало как пулеметная очередь. Ей было всего 28, но у Маргарет было много опыта. Она была отличным выбором. Несмотря на то что она была крохотной худенькой женщиной, она была полна энергии; было трудно представить, откуда в ней бралось столько сил. Она весь день проводила в штаб-квартире во флигеле, договариваясь с администрацией, разбираясь с документами, реестрами и тоннами бумажек. Она дала новое значение слову «секретарь», потому что она занималась не только документами, касающимися съемок кино, но и заботилась о «секретных» семейных делах Стэнли.

Я сразу поладил с Маргарет.

– Заходи, включай чайник, – говорила она весело каждое утро, приглашая Андроса и меня зайти и выпить кофе, пока мы планировали будущий день.

Мы быстро стали изумительно эффективным трио. Мы втроем заботились, чтобы все было сделано правильно. Я был индивидуалистом в гоночном спорте, но теперь, с ними, я понимал, как хорошо быть частью команды: если Маргарет была занята фотокопированием, Андрос отвечал на телефон, если Андросу нужно было ехать в Borehamwood Studios за чем-нибудь, я следил за делами в офисе или, чаще, предлагал поехать вместо него. Если Маргарет была слишком занята, чтобы сделать перерыв на обед, я заскакивал к ней на квартиру, чтобы покормить ее кошек. Стэнли не жаловался, что я опаздывал на полчаса, потому что мне надо было кормить кошек. Наоборот, он спрашивал, покормил ли я Вишбоун и Розмари и всегда ли я кормлю их свежей рыбой и ничем другим. На самом деле очень часто, когда мне нужно было идти кормить животных, он давал мне какое-нибудь поручение, и это можно было сделать недалеко от моста Кью, где жила Маргарет.

Мы были замечательным конвейером, который не нужно было поддерживать. Все было даже лучше, чем когда я в первый раз приехал в Эбботс-Мид: я мог ходить на встречи, так как Маргарет и Андрос замечательно меня представляли. Секретари всегда обращались со мной вежливо и с уважением. Несмотря на это, когда я в первый раз приехал в административный отдел кинокомпании, меня не хотели пускать. В таких местах секретарям на ресепшн дают

указания не пропускать никого, кто одет не в официальный костюм. Но когда они узнали, кто я, они перестали обращать внимание на мою одежду. Я мог прийти грязным и покрытым пятнами масла после работы с автомобилями, но стоило мне сказать: «Пожалуйста, пропустите меня. Я вам уже звонил. Я Эмилио Д'Алессандро, и я от Стэнли Кубрика», они отвечали: «О, конечно. Я прошу прощения». Двери открывало имя, а не галстук.

Я понял, как для нас важно было, чтобы нас узнавали как представителей Стэнли Кубрика. Нам приходилось иметь дело с огромным количеством людей, и, если бы нам снова и снова приходилось объяснять, кто мы такие, мы бы тратили драгоценное время. А время было драгоценным; Андрос объяснил, что единственный способ выиграть ежедневную гонку со временем – на полную катушку стараться быть «добрыми», тогда мы сможем просить о небольших одолжениях. Каждое Рождество я тратил два дня на развоз роскошных подарков, в основном кейсов с виски, в дюжины офисов в Лондоне.

Стэнли был нашим работодателем, и то, что он говорил, не подлежало сомнению. Все, что он хотел, должно было быть исполнено. Если ему нужен был какой-нибудь документ в течение двух часов, он должен был быть готов вовремя. Если он звонил домой вечером в субботу, потому что нужно сделать что-то важное, мы возвращались в Эбботс-Мид. Воскресенье, суббота, день или ночь, Рождество или Пасха, не имело значения: мы втроем были всегда в его распоряжении.

Не думайте, что наша преданность не была беспрекословной. Если его просьба казалась нам неразумной либо если мы думали, что это будет плохим выходом из ситуации, мы ему говорили об этом. Обычно Стэнли отказывался от альтернатив своим идеям со страшным недовольством и резкими объяснениями, которые обижали. То, насколько быстро он принимал предложения Маргарет и Андроса, ясно показывало, насколько сильно он доверял нам.

Стэнли: «Нет».

Маргарет: «Вообще-то, да».

Стэнли: «О'кей».

Проще простого.

Так же он доверял еще только одному человеку – главе департамента рекламы и связей с общественностью Warner Bros. Europe. Впервые я встретил Джулиана во дворе за домом, и я сразу же понял, что не будет проходить и дня, чтобы он не заглянул к Стэнли. Прежде чем «Заводной апельсин» увидел свет, Стэнли и Джулиан обсудили каждую деталь рекламной кампании: постеры, фотографов для журналов и трейлер к фильму, созданный Пабло Ферро. Джулиан не стал приезжать реже после выхода фильма. Как и Маргарет, Андрос и я, Джулиан занимался тем, что было выше его компетенции. Благодаря своему высокому посту он знал обо всех текущих проектах Warner, так же как и о проектах других кинокомпаний. Стэнли до смерти хотелось знать, над какими проектами трудятся какие режиссеры. Ему также было интересно узнать, каких актеров, какую съемочную команду и площадки они выбрали.

Джулиан, должно быть, не раз нарушал договор о неразглашении, когда рассказывал Стэнли последние новости со студии, но я клянусь, это никуда не шло дальше: Стэнли доверял Джулиану безоговорочно и знал, что никогда не предаст его доверия. Джулиан всегда мог дать ему объективную оценку на все случаи жизни и сделал бы все, что мог, чтобы решить какую-либо проблему. Джулиан был в курсе всего, экспертом по кино. Он был недостающим пазлом, четвертым членом нашей команды. Он был тем, кто давал Стэнли возможность общаться с миром кинематографа. Он исполнял все профессиональные поручения Стэнли.

Конечно, быть ключевым членом команды Кубрика иногда трудно.

– Я не могу сделать это сегодня вечером, я отложу на завтра. Какая разница? – говорил Джулиан, напрасно пытаясь выскользнуть из сетей Стэнли.

– Нет, я не приеду сегодня вечером, – мог сказать он, пытаясь притопнуть ногой, – потому что я уверен, что то, что я скажу тебе завтра, будет точно тем же, что я сказал тебе вчера!

Невозможно было злиться: от себя он ожидал в два раза больше, чем от кого бы то ни было другого. Мысленно возвращаясь назад, вы понимали, что он почти всегда был прав, а когда вы понимали, что все, о чем он просил, имело причину, и причиной было выполнение работы наилучшим способом, вы не могли чувствовать возмущения: вам оставалось лишь восхищаться им.

– Либо вам есть дело, либо вам все равно, – так он ответил однажды, поручая нам еще работу, хотя мы уже и так сильно устали. Нет, мы не смогли в тот день отвернуться от него, просто потому что: – Либо тебе есть дело, либо нет. Вот и все, Эмилио.

В этом Стэнли был очень прост: ему было дело до его работы и до его семьи, вот и все.

Однажды я поехал забрать его на Флит-стрит после встречи с адвокатами, он начал жаловаться на то, насколько богатыми являются юридические фирмы:

– Эти люди разрушат страну. В их офисах полно ценного дерева, дорогущих украшений и огромных картин. Для чего им это все? Все, что мне нужно, это стол, стул, ручка и кофемашина, больше ничего.

Когда я работал в британском Голливуде, у меня была возможность узнать, как много известных людей испорчены деньгами и роскошью и что для них не странно быть высокомерными и грубыми. Стэнли был одним из немногих знаменитых людей, которые сохраняли связь с реальностью. Вместо того чтобы взять Кристиану или одну из своих ассистенток на ужин в известный ресторан, полный VIP-персон, где его могли бы сфотографировать на выходе, Стэнли предпочитал заказывать доставку еды в Эбботс-Мид, где он мог прекрасно поужинать в гостиной. Когда я спросил его, почему он никогда не ходит на фешенебельные вечеринки, на которые ходят его коллеги, он ответил:

– Они слишком заумно говорят.

Я думаю, Стэнли превосходно руководил своими ассистентами. Если он хотел что-то сказать мне, Андросу или Маргарет, он говорил это лично. Нас вызывали в его кабинет по одному, и он объяснял, как следует выполнить то или иное поручение или как нам лучше себя вести в особенно затруднительных ситуациях в будущем. Ему нравилось иметь простые отношения с людьми, которые на него работали. Он знал, что все вертится вокруг него, но он нисколько не был заинтересован в том, чтобы быть заносчивым. Если бы он был, ему оставалось бы только выстраивать нас в линию в своем офисе каждое утро, давать нам приказы и слушать, как мы хором отвечаем: «Да, сэр!» Но такое положение дел было как нельзя далеко от реальности.

– Не называй меня «сэр». Мне этого не надо, – сказал он мне во время одной из первых совместных поездок.

Система правил Стэнли была разработана, чтобы обеспечить идеальное функционирование Эбботс-Мид. Все, что нам нужно было делать, – это следовать им слово в слово. Я понял это практически сразу, когда он посоветовал мне никогда не верить секретарям на ресепшн в отелях или консьержам, когда я доставлял документы. Я всегда должен был передавать их точно в руки адресату. Он делал все, что мог, чтобы избежать проблем. Ему было наплевать на пустую болтовню: после того как он говорил нам, что мы должны сделать, он мог просто оставить записки с обычными задачами на наших столах.

Стэнли ничего не бросал на ветер. Но он также не сходил с ума по экономии. Он просыпался в 10 или в 11, иногда в полдень и ложился очень поздно, так что мог на полную катушку использовать часы, когда были открыты офисы Warner в США. Андрос, Маргарет и я начинали работать ранним утром, когда Стэнли еще спал. Мы справлялись с задачами, которые он нам оставлял за несколько часов до начала нашего рабочего дня, когда он шел спать. Когда он просыпался, все уже было сделано, и мы начинали делать что-то другое. Это казалось бесконечным циклом, впрочем, так оно и было.

Мы все получили сумки со всем необходимым. Мне достался портфель с эксплуатационной документацией и страховками на «Мерседес» и другие автомобили и все другие документы, которые могли мне понадобиться при выполнении поручений. Имея при себе все эти документы, я сокращал риск ехать обратно на базу и тратить время. Стэнли делал то же самое, набивая свои карманы ручками, фотокопиями, листками бумаги, диктофонами и записями.

Мои карманы тоже были полными. Я носил с собой два блокнота, большой и маленький, две ручки (одна была запасной) и мой органайзер, который я использовал как дневник с еженедельным планированием на каждой странице. Там я писал имена, офисные адреса, даты встреч, телефонные номера и цены на разные вещи. Блокноты подбирались так, чтобы они уместились в нагрудном кармане моей рубашки. Стэнли знал все про рубашки: мне полагалось носить только рубашки с двумя карманами. В правом кармане у меня был блокнот, записки, которые он дал мне, и квитанции. В левом у меня были деньги, мое водительское удостоверение и другие удостоверения. Карманы обязательно должны были застегиваться на пуговицу, чтобы ничего не могло выпасть. Он также просил меня, чтобы я был уверен, что в моем кошельке всегда есть пятьсот фунтов, которыми я мог бы покрыть любые расходы в течение рабочего дня. Если я что-то тратил, мне приходилось возвращаться домой и восполнять их, чтобы у меня опять стало пятьсот фунтов.

Оборудование для автомобиля включало в себя аптечку, горелку, зажигалку и кучу ручек, натканых там и тут. Мы также возили с собой 30-метровые веревки для случая, если бы мы нашли по пути раненую или брошенную собаку (надо было связать собаку, отвезти ее к ветеринару, вернуться в Эбботс-Мид и найти ответственного человека, которому можно было бы поручить ее). У нас также был с собой намордник, если собака начинала нервничать, и по той же причине толстые кожаные перчатки. Перчатки также шли в ход, когда мы находили злых кошек.

Мы должны были быть уверены, что в офисе всегда есть фотобумага. Нам нужно было следить за блокнотами и тетрадами, так же как и за бесчисленным количеством шариковых и перьевых ручек. Стэнли обожал перьевые ручки. У него было несколько разных, он очень любил погружать их в бутылочку с чернилами, когда что-то писал. Он так сильно любил свои «Паркеры», что даже попытался приучить меня к ним, подарив мне одну в роскошной подарочной упаковке.

– Стэнли, почему ты мне это даешь? Я даже не умею ею пользоваться. Мне намного больше нравится шариковая ручка.

– Нет, – ответил он, вкладывая коробку с ручкой обратно в мои руки, – пожалуйста, прими этот подарок.

У меня не было выбора, но она просто лежала у меня дома в ящике, а я продолжал пользоваться двадцатипенсовыми шариковыми ручками. Но обычного «спасибо» для Стэнли всегда было мало. Несколько недель спустя он пришел с другой блестящей деревянной коробочкой, на этот раз на ней была надпись Montblanc. Внутри лежали ручка и карандаш, а рядом две шариковые ручки.

– Теперь пользуйся тем, что тебе нравится.

– Стэнли, их ведь кто-нибудь украдет! Зачем ты даришь мне такие дорогие подарки? Мне они не нужны.

– Ну пусть они дома лежат. Мариса и Джон могут ими домашнее задание делать.

Все, что просил меня сделать Стэнли, неизбежно занимало целую кучу времени, и это имело негативные последствия для моей семейной жизни. Жанет не видела меня целыми днями: я уходил из дома сразу после шести и не возвращался до ужина, а гораздо чаще даже позже.

– Извини меня, Жанет, но Стэнли... – я пытался объяснить, но пустой стул за обеденным столом говорил за меня.

Она сказала мне, что мы уже прошли через сложный период несколько лет назад, и теперь не было никакой необходимости посвящать каждый момент существования зарабатыванию денег. Я объяснил ей, что речь идет не о деньгах: я совсем недолго работал на Стэнли и хотел доказать ему, что гожусь для этой работы. Более того, как я мог просить о свободном времени, когда Андрос и Маргарет работали столько же, сколько и я?

– Им что, не к кому пойти? – спросила в замешательстве Жанет.

– Нет, у Андроса тоже двое детей, но он мне так и не рассказал секрет, как сохранить мир в семье.

Жанет заботилась о Марисе и Джоне. Она любила искусство и брала их на выходные в город в театр или кино. Она всегда говорила, что невозможно понять, к чему ребенок проявит склонность, поэтому есть смысл заинтересовать его как можно большим количеством разных вещей. Мариса ходила на танцы, а Джон учился играть на гитаре, но, когда она отправляла их обоих на уроки итальянского после школы, я знал, что в семье Д'Алессандро все в порядке.

Глава 3

Приключение «Барри Линдона»

Ближе к концу 1972 года в Эбботс-Мид начало приезжать множество людей, которых я не видел раньше. Каждое утро во дворе дома было больше людей, чем днем ранее.

Приключение «Барри Линдона» началось.

Продакшн-офис Стэнли был домом Стэнли, и наоборот. Не было ни студии, ни офиса, откуда бы приходили люди, работавшие над фильмом. Все происходило в Эбботс-Мид. Любой вовлеченный человек должен был проснуться, сесть в машину и примчаться домой к Стэнли.

Я говорил всем «привет», но я не знал ничьих имен. Как только я запоминал несколько, люди менялись. Я видел, как они бегают здесь и там, и спрашивал себя: «Делаю ли я все правильно?» Я все еще учился делать свою работу. Я работал со Стэнли уже год, но «Барри Линдон» был первым фильмом, в котором я принял участие.

Ранее тем же днем на тропинке во дворе я столкнулся с Маргарет. «Эмилио, подойди, я представлю тебе твоего земляка», – сказала она. У ворот стояла Милена Канонеро. Она улыбнулась, пожала мне руку и сказала «привет» на итальянском. Она была маленькой и стройной и работала над фильмом уже какое-то время. Я надеялся, что она даст мне какой-нибудь совет, но она неожиданно исчезла в беготне, которая была частью процесса подготовки фильма. Однажды утром я встретился с ней снова. «Вы работаете над фильмом, так ведь?» – я обратился к ней на итальянском, рассчитывая на то, что другие люди не поймут, о чем мы говорим. Ее слова были обнадеживающими: «Это просто. Стэнли не любит, когда люди попусту теряют время. Если ты не тянешь резину, все будет хорошо. Извини, но мне правда нужно идти».

И она убежала, но куда?

«Эмилио, иди сюда, ты, бездельник!» Меня звал Андрос. Тогда ладно. Время пошевеливаться. Новая партия реквизита означала, что место в Эбботс-Мид заканчивается, поэтому Стэнли решил сформировать небольшой склад в здании, находящемся во дворе перед домом. Официально это был гараж для машин, но на самом деле он использовался как художественный департамент. Мы повесили доску для рисования на левую стену и установили большой чертежный стол с пантографом. Андрос нанес последний штрих в виде коробки сигар «Монтекристо» и вернулся во флигель. Я снова столкнулся с Миленой во дворе. «Я видела тебя с Андросом. Это хорошо, позволь ему быть твоим гидом», – сказала она, не останавливаясь. «Не так-то просто поспевать за ним. Андрос – феноменален, – ответил я, догоняя ее, – как и Маргарет».

– Прекрасные учителя! – Милена засмеялась.

– Чем ты занимаешься?

– Я и Улла – художники по костюмам. Мы работаем над внешним видом актеров в фильме вместе с Барбарой, художником по гриму, и Леонардом, гримером-постижером. Еще есть Кен, который отвечает за декорации.

– Не могу привязать имена к лицам. Который из них Кен?

– Который с сигарами.

Был один элегантный джентльмен, который уезжал каждое утро на белом «Роллс-Ройсе», окруженный густыми облаками дыма. В течение нескольких дней он собирал десятки книг на складских столах, склеивал карты Англии и делал зарисовки углем на стенах. О'кей. Это, должно быть, Кен Адам.

Складские полки были заполнены объективами и другим операторским оборудованием. Все это принадлежало худому вежливому парню, которого звали Джон Олкотт. Он был оператором, которого выбрал Стэнли. Казалось, им втроем хорошо работалось вместе. У них при-

существовало взаимное уважение: один из них тщательно обдумывал замечания двух других, прежде чем что-то сказать. На фоне творящегося во дворе безумия казалось, что время в художественном департаменте идет медленнее; отчасти это было связано со спиралью густого дыма, исходящими от сигар Кена и сигарет Стэнли. Более того, задумчивый характер Джона идеально сочетался с желанием Стэнли держать все под контролем: он высказывал свое мнение по техническим вопросам, предлагая решения, но никогда не навязывал их и никогда не принимал решения, не посоветовавшись со Стэнли.

Поскольку Стэнли был все время занят, было непросто найти время, чтобы обсудить дела всем вместе. Кен и Джон оставляли Стэнли записки и комментарии на доске. Они обычно тоже были далеко: фотографировали или проводили исследования, поэтому Стэнли отвечал, тоже оставляя для них записи. Иногда целые разговоры, состоящие из гипотез, вопросов и ответов, формировали цепочки записей во все стороны.

Стены гаража быстро заполнились диаграммами и фотографиями английских деревень. Вокруг скопилось столько книг, что было сложно через них пробираться.

Почти каждый день, перед тем как приехать к Стэнли, Кен ездил на своем «Роллс-Ройсе» в Лондонскую библиотеку, в которой он обшаривал отдел старинных книг, разыскивая информацию о XVIII веке и аристократических домах. Действие фильма происходило в XVIII веке, и это было работой Кена – создать фотографический архив исторических английских домов и деревенских ландшафтов вокруг Лондона. Стэнли также дал Кену задание оценить влияние съемочного процесса на эти места. Он должен был рассчитать размер и вес оборудования и решить, смогут ли полы выдерживать вес камер и осветительных установок. Он также должен был учесть каждую антикварную картину или мебель, которые нужно будет защитить, и, в случае необходимости, придумать хитрый способ, как сделать это.

Иногда Кен был настолько занят, что меня просили поехать в библиотеку для него. Меня позвала Милена. «Эмилио, Кен сказал, что ты собираешься ехать в Лондон. – Она продолжала на итальянском: – Поможешь мне, а? Забери оперение для этой шляпы. Я заказала его в одном месте, в центре города. Маргарет сказала, что ты раньше жил в деревне. Это замечательно. Ты можешь убедиться, что перья – от реальных петухов или фазанов, как те, которых ты видел? Если они выглядят поддельными, просто оставь их там». Она дала мне записку с адресом магазина и деталями заказа, который она сделала по телефону. Когда я сел в машину, она остановила меня:

- Эмилио, я правда думаю, что у тебя получится.
- Что именно?
- Ты прекрасно справляешься.

Длинная цепочка фургонов «Volkswagen Type 2» в течение всего дня заезжала и выезжала из аэродрома Радлет. Заброшенный аэропорт был построен в тридцатых годах компанией Hadley Page Ltd. Диспетчерская вышка разваливалась на куски: повсюду было разбитое стекло, обломки, потрескавшиеся плиты и оконные рамы с разбитыми стеклами; но низкие просторные ангары были в хорошем состоянии. Стэнли заметил их, и, поскольку оба гаража в Эбботс-Мид и все комнаты в доме были заполнены, он тайно использовал ангары для хранения костюмов для «Барри Линдона». Радлет идеально подходил. Он был дешевле, чем студия, он был огромным, не было времени открытия и закрытия, и там было спокойно. Это дало Стэнли возможность вынести работу за пределы дома; аэропорт стал своего рода расширением Эбботс-Мид.

Фуры «Фольксваген» были одной из первых инвестиций продюсерской компании. Стэнли купил тридцать два из них. Таким образом, он мог быть уверен, что парочка свободных найдется в любое время, поэтому никому не придется ждать, когда какой-нибудь из них осво-

бодится, прежде чем приступить к работе. Для каждого фургона Маргарет сделала фотокопию карты района, на которой были четко обозначены маршруты.

В мгновение ока ангар превратился в костюмерную мастерскую. На длинных столах выстроились десятки швейных машин. Здесь Милена работала над костюмами для «Барри Линдона» вместе с маленькой девушкой из Копенгагена по имени Улла Брит Содерлунд.

Армия портных шивала ткань, которую Милена и Улла вырезали, используя выкройку для одежды того периода. Более двух месяцев ангар эхом отзывался на металлический звук швейных машин. Костюмерный цех работал как производственная линия: Милена и Улла выбрали модели из книг, соответствующим образом нарежали ткань, а портные собирали макет для утверждения у Стэнли. Если он говорил: «Да, все в порядке», то десятки копий одежды делались для массовки.

Оставалось еще некоторое пространство, поэтому Стэнли использовал Радлет также для примерного цеха и офиса, в который впервые приезжали актеры, где проводились собеседования и прослушивания. У него был ангар, поделенный на секции, и каждая секция была оборудована запирающимися дверями. В конце концов он успешно превратил аэродром Радлет в киностудию.

Прошел почти год, а съемки фильма все еще не начались. Стэнли и его команда все еще планировали, изучали и занимались организационными вопросами. Все это разбудило воспоминания о том, что мой итальянский учитель сказал мне в средней школе Кассино во время провидческого урока о режиссерах «Чинечитты»: «Серьезный кинорежиссер заботится обо всем; даже о самых мелких деталях. Это так же сложно и трудно, как работать на земле». Стэнли, должно быть, был одним из этих редких продюсеров. Он руководил командой художников, которые, начиная с нуля, пытались создать целый мир. От обуви до париков, от карет до зданий – все было сделано с такой внимательностью и точностью, на которую, я думал, способен только Бог.

Стэнли взял еще одну секретаршу, чтобы она помогла Маргарет с документами для съемок. Ее звали Патриция Пеннележон. Она была моего возраста, но уже обладала значительным опытом. Можно было легко понять, кто произвел хорошее впечатление на Стэнли, потому что он давал им доступ к некоторым офисам, которые обычно были заперты на ключ. Однако пес Пэт по имени Фергус не произвел такое же хорошее впечатление на Лолу, Тедди и Фиби, которые начали рычать, как только увидели его во дворе. Часть флигеля была отгорожена, поэтому я должен был ставить сначала собак Стэнли, а затем собаку Пэт в своеобразный загон. Они гуляли по очереди, как кошки: максимум два часа, и, конечно, мне каждые полчаса приходилось проверять, все ли нормально.

Стэнли считал решение проблем животных одной из многих проблем кинопроизводства и был невозмутим в своем поиске решений. Поэтому неудивительно, что одной из первых задач строителей декораций «Барри Линдона» стало добавление вторых ворот в Эбботс-Мид. Эти меньшие внутренние ворота предназначались для того, чтобы остановить убегающих кошек и собак, которые часто делали это благодаря постоянно приезжающим и уезжающим на Барнет-Лэйн людям. Тщетно Стэнли выставил знак: «ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКРЫВАЙТЕ ВОРОТА». Он установил другие знаки на главные ворота, флигель, дверь гаража – практически повсюду. Не работала даже раздраженная надпись «ПРИКАЗАНО ЗАКРЫВАТЬ ВОРОТА!», написанная большими буквами снаружи. Стэнли раздражал тот факт, что люди продолжали игнорировать знак, поэтому он снова позвал декораторов в свой дом. На этот раз они окружили дом провололочной сеткой, чтобы животные точно не смогли выбежать на дорогу. Теперь мы могли снизойти до работы над «Барри Линдоном».

– Здравствуйтесь, могу я вам помочь?

Имя вылетело у меня из головы. Я смотрел на администратора отеля, но не мог его вспомнить.

– Американский актер... – сказал я, чтобы выиграть немного времени.

– Это наша привилегия – принимать много американских актеров среди наших гостей, – ответил он.

– Он знаменитый...

Он моргнул и сказал: «Почему бы вам не прогуляться по кварталу? Может быть, это поможет вам вспомнить», – и он указал на дверь подбородком.

Я ушел, поджав хвост. «Скажи Эмилио, чтобы ехал в отель „Вестбьюри“ и подобрал его, – сказал Стэнли Андросу, – и убедись, что он записал имя и адрес». Имя казалось таким знакомым, что я проигнорировал указания Стэнли. «Его же каждый день показывают по телевизору в „Пейтон-Плейс“, я точно не забуду его», – сказал я Андросу. Пять минут я пытался вспомнить, но безрезультатно. Признав поражение, я позвонил во флигель. «Чтоб меня, – воскликнул Андрос, – ты забыл его! Я говорил тебе записать его! Его зовут Райан! Райан О'Нил!»

Я выучил урок: всегда записывать абсолютно все в блокнот, который Стэнли сказал мне носить в кармане рубашки. В тот день я выучил еще один урок: можно понять, насколько рад тебя видеть американец, по тому, насколько сильно он пожимает тебе руку. Райан был хорошо выглядящим парнем с густыми зарослями волос на голове и голубыми глазами. Он с энтузиазмом улыбнулся, схватил меня за руку и крепко сжал мои пальцы; но меня больше обеспокоило рукопожатие его телохранителя – Грег Ходелл был двухметровым викингом с блондинистыми усами.

У продюсерской компании был новый «Роллс-Ройс» для развоза актеров, но Стэнли попросил меня забрать Райана в его «Мерседесе», провести весь день с ним и сделать все возможное, чтобы удовлетворить все его просьбы. Мне это показалось не так сложно, как Стэнли говорил об этом. Свозить Райана на шопинг в Савил-Роу или пообедать в самом модном ресторане в Белгрейвии было большим удовольствием. Мы провели весь день в машине, подкалывая друг друга и смеясь. Вечером я высадил его у Королевского Альберт-холла, где продюсерская компания сняла ему роскошную квартиру. Затем я вернулся в Стэнли, чтобы успокоить его, рассказав, что его звезда обосновалась в Лондоне довольно хорошо.

В последующие несколько дней утренние часы были потрачены на примерки костюмов на Радлет, а дневные часы – в клубе Лондсдейл в центре Лондона, где Райан учился фехтовать.

Именно там наше идиллическое существование подошло к концу. Даже если бы Райан не снялся в «Истории любви», он физически был таким человеком, который мог вскружить голову любой женщине. Его лицо было повсюду: в телевизорах и в городских киосках, где продавались плакаты с его лицом крупным планом. Райан сделал все возможное, чтобы оставаться в тени, но однажды утром девушка узнала его на улице, и всего за несколько минут он был окружен толпой кричащих фанаток. Грег вмешался немедленно. Он схватил Райана за плечи и отгородил его от девушек: «Иди к машине!» Я побежал к «Мерседесу», позади меня Грег пробивался сквозь толпу, как снегоуборочная машина. Он крепко держал Райана. Ноги Райана едва касались земли. Он швырнул Райана в машину, заскочил внутрь и захлопнул дверь. «Жми на газ!» – приказал он. Я ухватился за руль, и передо мной возникла трасса Брэндс-Хэтч, но моими соперниками были прохожие и такси на дорогах, ведущих к Слоун-стрит. Когда я дал по тормозам и с визгом остановился перед Королевским Альберт-холлом, Грег с облегчением улыбнулся. Райан был белым, как лист бумаги. «Эмилио, где ты научился так ездить?» – он заикался.

«Стэнли, сегодняшний день был катастрофой», – так я начал свой ежедневный отчет о Райане. Стэнли внимательно выслушал, но в конце все, что он сказал, не выразив никаких эмоций, было: «Мне жаль, что ты напугался». Удачных остроф Грега о полураздетых девушках летом и энтузиазма Райана по поводу моей карьеры гоночного водителя было достаточно, чтобы поднять настроение. Очевидно, они гораздо больше привыкли к подобным вещам, чем я. Я не собирался снова ездить как маньяк по улицам Лондона. Если Стэнли не хотел освобождать

меня от обязанностей водителя Райана, то, возможно, этого хотел кто-то еще. В следующий раз, когда Райан задал вопрос о гоночных автомобилях, я с помощью Андроса приплел к разговору «Мини» Маргарет. Я объяснил, что это была та же самая модель, которая использовалась в фильме «Ограбление по-итальянски» во впечатляющей сцене автомобильных гонок в городе. Это так взволновало Райана, что единственным способом его успокоить оказалась покупка оранжевого «Мини», которую в тот же день совершила продюсерская компания. С детским энтузиазмом Райан вскочил в машину и помчался по Барнет-Лэйн, забрасывая гравий во двор во время старта. Грег почесал голову: «Как, черт возьми, я влезу в эту штуку?»

Непрерывный поиск подходящих локаций для фильма разошелся как рябь в пруду после того, как в воду бросили камень. Кен уходил все дальше и дальше от Эбботс-Мид, пока не достиг Ирландии. Холмы и исторические здания вокруг Дублина казались незаменимыми, тем более что большая часть истории происходила в ирландской деревне. У Стэнли не было выбора: он должен был покинуть Англию.

Летом 1973 года он планировал большую операцию по отъезду. Каждому съемочному департаменту выделили пару машин, чтобы они перевезли все свои материалы, и Стэнли выбрал кого-то ответственным за весь процесс. Кристиана и девочки отвечали за собак: целый вагон поезда в Дублин был забронирован для Фиби, Тедди и Лолы. Маргарет должна была заботиться о семи котах. Она осталась в Эбботс-Мид, чтобы поддерживать базовый лагерь.

Нужно было перевезти невообразимое число предметов: десять камер, объективы, фильтры, десятки осветительных установок и ламп, сотни костюмов и катушек пленки. Когда все это было упаковано и загружено, сама транспортировка не должна была занять много времени, потому что Стэнли решил перевезти все сразу, чтобы потратить на это как можно меньше времени. Один за другим автопоезда, грузовики, фургоны и автобусы выезжали из ворот Эбботс-Мид и Радлет в направлении Дублина. Когда хвост этой огромной змеи на колесах ушел, ее голова уже была на полпути. Большая часть оборудования и материала была загружена на автопоезда, но Стэнли попросил, чтобы каждый отдел взял все необходимое для двух-трех дней работы в микроавтобусы. Таким образом, они могли начать работу, как только прибудут в Дублин.

Желтая «Вольво» Кристианы, полная красок, отправлялась в Дублин. Водитель перегонял также белый «Мерседес» Стэнли. «Юнимог», который мы вернули к жизни после многих лет простоя, превратился в камерваген. Внутренняя часть кузова была утеплена и гидроизолирована резиновым уплотнителем. Это означало, что все три двери – задняя и две боковые – были воздухо-, свето- и влагонепроницаемыми. Мы установили внутрь несколько полок для катушек с пленкой, объективов и другого операторского оборудования. Поскольку транспортировать камеры поручили мне, «Юнимог» в Дублин перегонял член съемочной команды. Он выглядел довольно обескураженным этой перспективой, поэтому я устроил ему своего рода краткий курс, как управлять этим зверем. Я попытался успокоить его: «Юнимог» был большим, но ручным. «Когда ты не знаешь, на какую скорость переключиться, остановись и снова начинай с четвертой!» Он забрался в кабину и отправился в Дублин с невероятной скоростью – 50 миль в час.

Ян Харлан тоже поехал. Он отвечал за экономический аспект фильма и должен был внимательно следить за всеми расходами, бюджетом, а также зарплатами и многочисленными счетами. Когда начнется съемка, он должен будет убедиться, что Стэнли располагает последними цифрами. Это значит баланс: бюджет, выделенный для фильма, за вычетом производственных издержек. Warner прислал пару бухгалтеров, чтобы убедиться, что все сделано правильно. Они были посажены в один из автобусов до Дублина.

Ян взял с собой жену и детей. То же сделал и Андрос, и ассистент продюсера. Я смотрел, как пустеет двор Эбботс-Мид, и думал, что Стэнли припас для меня. Должен ли я предложить подобные радикальные перемены Жанет и детям?

– Нет, ты отвечаешь за транспортировку.

Стэнли и другие были около Дублина, а Маргарет не могла покинуть Эбботс-Мид, поэтому кто-то должен был быть обеспечить эффективную связь между двумя локациями.

Моя первая поездка в арендуемом фургоне «Форд» прошла с операторским оборудованием. В Дублине находилась хорошо оборудованная студия, но Стэнли хотел использовать свои собственные камеры. Из-за этого я провел неделю в почтовом отделении, собирая посылки из Боремвуда. Я получил почту вместе с запечатанными конвертами, которые Маргарет отправила мне, и направился на север.

Все остановились в отеле «Ардри» в Дублине. Стэнли забронировал соседние комнаты, все на одном этаже. Ему не нравилась идея использовать рации для приема важных сообщений, потому что он боялся, что кто-то может подслушать. Он знал, что это возможно, потому что он слушал полицию и аэропорт Лондона с его радиооборудованием в Эбботс-Мид. Разумнее было постучать в дверь и обсудить все лицом к лицу.

На прошлой неделе я обошел отель, чтобы выбрать для него комнату. Он попросил меня: «Выбери такую, которую бы выбрал для своей семьи». Затем мне пришлось доставить все необходимые принадлежности, такие как простыни, мыло, полотенца, туалетная бумага и т. д. Когда я попытался сказать ему, что об этом не нужно беспокоиться, потому что работники отеля позаботятся об этом, он спокойно ответил: «Я просто хочу быть в безопасности».

Потребовалось всего несколько дней, чтобы все сотрудники продюсерской компании прибыли в Ирландию. Каждый, кто начал работать над «Барри Линдоном», должен был оставаться до самого конца. Стэнли не отменил ни одного аспекта работы, хотя он уменьшил количество рабочих в платежной ведомости, чтобы как можно больше сэкономить. Огромная производственная машина, которая постепенно набирала обороты в Эбботс-Мид и Радлет, продолжала работать. Она состояла из десятков винтиков: некоторые были небольшими, некоторые – крупными, но все они были важны. Каждый из них был необходимой частью двигателя, сердцем которого являлся Стэнли Кубрик.

Я привез в Ирландию множество документов: разрешения юристов начать работу над фильмом, платежные ведомости, составленные бухгалтерами, страховые договоры, составленные Маргарет. Затем я отправил несколько грузовиков мебели и реквизита, которые были арендованы или заказаны в Лондоне. На обратном пути грузовики были заполнены материалами, которые были больше не нужны в Ирландии и могли храниться на складах в Англии. Мне даже пришлось доставить десятки и сотни коробок со свечами. Стэнли и Джон решили использовать их для освещения интерьерных ночных сцен; они хотели как можно меньше использовать прожекторы и другое электрическое освещение.

Я путешествовал по земле, воде и воздуху. На самолете я долетал примерно за час, плюс время регистрации на рейс. На машине или грузовике с прицепом это занимало все утро или день. На поезде было так же долго, но зато более комфортно. Я мог съесть что-то и отдохнуть. Я словно находился в номере отеля. Несмотря на то что это было шикарно, мне нечасто выпал шанс насладиться, потому что все было неожиданно и срочно. Самыми плохими поездками были морские. Когда я отправился в Кале 19 января 1960 года, чтобы иммигрировать в Англию, я впервые в жизни увидел море. Это было страшное путешествие: паром казался слишком маленьким, перегруженным людьми и опасно неуправляемым. Я приложил все усилия, чтобы не умереть здесь, посреди бури, даже не зная, был я в Англии или во Франции. Когда Стэнли сказал, что не готов доверять паромной компании заботу о дюжине коробок, мне перестало хватать воздуха. Я совершил трехчасовое путешествие, цепляясь за поручни и закрыв глаза, оглушенный звуком волн, разбивающихся об окна, и молясь, чтобы снова коснуться суши.

В аэропорту Хитроу я использовал билеты с открытой датой, что означало, что я мог сесть на первый доступный рейс. Маргарет сумела договориться с авиакомпаниями на благоприятных условиях благодаря большому количеству заказов, которые сделали Hawk Films. Любой, кто был в Хитроу осенью 1973 года, слышал это сообщение: «Эмилио Д'Алессандро, свяжитесь с офисом». Объявление давалось каждые пятнадцать минут вместе с другими, в которых говорилось о задержках или о том, куда идти. Я знал: это значило, что я должен связаться с Маргарет. Это была ее идея: я услышу это, как только доберусь до места регистрации и узнаю, что мне нужно немедленно связаться с флигелем. По дороге к выходу на посадку я проходил мимо доски объявлений персонала аэропорта. Среди их сообщений были заметки, которые Маргарет оставляла для меня по телефону, с подробностями о том, где взять различные материалы и с кем связаться, когда я доберусь до места. Я срывал эти записки с доски, запикивал их в карманы и спешил на рейс. Это были особые привилегии, полученные благодаря использованию зарекомендовавшей себя системе флигеля: подарки тем, кто был на посту.

Той же стратегией мы пользовались на таможне в портах в Англии и Ирландии. Таких случаев было не очень много, но они имели огромное значение: телефонный звонок накануне, чтобы убедиться, что все еще есть место, подsunутая банкнота тому, кто позволил бы подняться на паром, который уже был заполнен... Если бы мы этого не делали, потребовалось бы десять лет, чтобы закончить «Барри Линдона». Съёмки постоянно висели на волоске эффективности транспортной системы. Даже малейшая задержка, вызванная однажды недоразумением на таможне или отмененным самолетом, означала бы, что сотни людей будут стоять и ничего не делать, а это было ужасно дорого. Чем были жалкие пять фунтов, привлекательные чаевые, в те дни, по сравнению с пятью тысячами фунтов, сэкономленными благодаря соблюдению графика?

После недель путешествий туда-сюда Стэнли попытался оставить меня с ним в Ирландии: он хотел, чтобы я переехал туда, как Андрос, и оставил Маргарет, предоставленную самой себе, в Эбботс-Мид. Несомненно, Стэнли заранее знал ответы на все вопросы, которые я мог задать, такие, как решение этого вопроса с Жанет или проблема поиска школы для детей в Ирландии. Но это оказалось ненужно: Маргарет решила проблему за всех. В довольно простой манере она сказала Стэнли: «Если ты заберешь Эмилио, я уйду». Она была одна в Эбботс-Мид, и ей нужно было не только обеспечивать работу головного офиса, но и заниматься содержанием дома, котом, почтой, растениями и бог знает чем еще. Она даже не ездила домой. Она спала в одной из гостевых комнат на первом этаже. Она даже согласилась оставить своих кошек в одиночестве при условии, что я, а не какой-то незнакомец, будет приезжать к ней домой и кормить их. Я напомнил Стэнли обо всех условиях, на которые она уже согласилась, и, хотя он привык к тому, что кто-то есть при нем, куда бы он ни пошел, он осознал, что даже он не может зайти так далеко. Маргарет объяснила свою позицию твердо и рационально, и Стэнли признал, что она была права. Поэтому я продолжил путешествовать. Я провел так много времени на таможне, что мое лицо запомнили настолько, что иногда я махал рукой, и меня пропускали без очереди и всей волокиты. Я проходил с любыми воображаемыми типами багажа: от чемоданов до папок под мышкой, от деревянных сундуков до целых грузовиков, загруженных доверху. Они смеялись, гадая, чем я, черт возьми, занимаюсь. Все, что я сказал, это то, что я работаю в кинопроизводственной компании. Я никогда не упоминал имя Стэнли.

Наши дружеские отношения с офицерами таможнигодились, когда грузовик с мушкетерами исчез где-то между Лондоном и Дублином. Съёмки остановились на два дня. Без винтовок нельзя было снимать боевую сцену. Стэнли делал все, что мог: он отправил людей, позвонил на таможню, часами он капал на мозги находящемуся в Ирландском Министерстве обороны служащему, которого наняли специально для решения подобного рода вопросов.

Я ничего этого не знал. Я загрузил машину в Фишгарде, английском порту в Пембрукшире, используя испытанный трюк с пятью фунтами. Я не волновался, когда паром ушел; они вряд ли отправят все обратно, когда он прибудет в Рослэр, так ведь? Когда я добрался до ирландского побережья, меня позвал один из таможенников. Когда он приблизился, я заметил, что у него был подозрительный взгляд. Грузовик, полный винтовок, находился здесь в течение двух дней. «Водитель сказал, что они – для фильма, который снимают около Брея», – осторожно сказал офицер.

– Это так, – подтвердил я, – как и все остальное, что вы лицезрели на протяжении последних недель.

– Нам необходим документ, подписанный кем-то из продюсерской компании, подтверждающий, что груз на самом деле является реквизитом.

Осторожность таможенников была обусловлена опасным политическим климатом в то время. Конфронтация между Ирландской Республиканской Армией и британским правительством означала, что нельзя не быть слишком осторожными: грузовик, полный винтовок, хотя и древних, все еще был грузовиком, полным винтовок.

– У вас есть документ, подтверждающий, что винтовки не являются оружием? – спросил он.

– Я занимаюсь только транспортировкой личных вещей режиссера, ничем более.

– У вас есть хотя бы что-то, подтверждающее, что вы работаете на Hawk Films? Таким образом, я могу сказать, что сотрудник продюсерской компании ручается за винтовки.

Я показал ему документ, который Маргарет подготовила для меня. Стэнли умолял меня всегда носить его с собой.

Hawk Films Ltd.
Post box 123
Borehamwood, Hertfordshire
22 августа 1973

Для предъявления по месту требования. Настоящим я подтверждаю, что г-н Эмилио Д'Алессандро является сотрудником Hawk Films и имеет право принимать товары и другие объекты от имени Hawk Films.

М.Е. Адамс, секретарь

Сотрудник таможни поставил печать и пропустил грузовик. Когда я приехал в отель «Ардри», я попросил Андроса объяснить мне, почему грузовик задержали, но он не знал, что там на самом деле случилось. Он даже не знал, где находился грузовик. Я позвонил Стэнли и сказал, что наткнулся на его мушкеты и их пропустили через таможню. «Тогда на кой черт нужен этот клерк в министерстве?» – взорвался Стэнли. Я не был удивлен, что он зол. Он нашел виновного. «На хрена он там нужен? – повторял он. – Теперь Эмилио, который ничего не знал, явился и переправил эти винтовки через таможню...»

– Стэнли, я просто проезжал через Рослэр с твоими пачками кофе! Мне повезло, что офицер таможни узнал меня и подозвал.

– Спасибо, Эмилио, – сказал он, успокаиваясь и кладя руки мне на плечи. Это было так, как будто я спас ему жизнь. – На кой черт он там нужен? – он снова начал ворчать. – Андрос, уволь его. Подожди пару деньков, потом поблагодари его и скажи, что мы в нем больше не нуждаемся, поскольку закончили снимать сцены с оружием.

Угроза ИРА влияла на каждую поездку, которую я совершал. Полиция аэропорта обыскивала каждый самолет в Ирландию снизу доверху. Мы часто приземлялись из-за боязни бомбы. Рейсы Air Lingus проходили гладко, но у British Airways всегда была задержка. Впрочем, я смотрел на это со светлой стороны. Полиции нужно было около часа, чтобы досмотреть багаж, поэтому я мог отдохнуть на своем сиденье и немного поспать. После первых нескольких раз

я перестал замечать холодный воздух, дующий в салон из открытой двери. Когда тревога срабатывала в аэропорту Дублина, было еще лучше: залы ожидания там были реально комфортными.

Разумеется, когда однажды мой багаж проверяли в аэропорту Хитроу и сработала тревога, меня мгновенно окружили полицейские. Я увидел, как другие пассажиры бросают сумки и с криком убегают. Один из полицейских подошел ко мне и спросил, что у меня в сумках. «Кофейные зерна», – ответил я. Стэнли всегда покупал кофе в алжирском кофейном магазине на Олд-Комптон-стрит. Он не стал бы пить что-то другое. Поэтому я постоянно ездил с пятифунтовой упаковкой этого добра. Когда случился этот инцидент, Маргарет дала мне вторую, и на нее сработала сигнализация. Полиция становилась все более настойчивой и настороженной. «Говорю вам, это кофе! Вы видите, как я хожу здесь каждый день. Сейчас вы знаете, кто я такой, что вы ожидаете, чтобы я нес?» Они вызвали отряд саперов, которые привели странно выглядящего робота. У робота была длинная рука, которая тянулась к коробке. Он коснулся дна коробки, видимо, принял какое-то решение, затем выдвинул металлическую руку, разрезал и открыл картонную коробку, и рука залезла внутрь. Она достала пластиковый круглый объект, и пассажиры вместе с полицейскими рассмеялись.

– Что это? – спросил я, немного смущенно.

– Что значит «что это?»? Это презерватив!

– А что такое презерватив?

Я никогда не видел их до этого.

Когда я добрался до съемочной площадки, все знали, что я везу, и я был встречен ревом, как будто я был каким-то героем. Они сказали, что ребята из съемочной группы рассказали одному из ассистентов Стэнли, который рассказал другому ассистенту Стэнли, который рассказал еще одному ассистенту, пока их запрос наконец не дошел до Андроса, который позаботился об этом с помощью Маргарет. Ирландия была католической страной, где нигде нельзя было купить презервативы, поэтому Маргарет купила упаковку в Лондоне и замаскировала ее под пачку кофе. По крайней мере, было очевидно, что упаковка содержит материалы для съемок фильма, поэтому Hawk Films оплатили доставку.

«Ты можешь идти», – полицейский аэропорта отпустил меня, злобно улыбаясь. «Слушайте, – ответил я, немного раздраженно, – неужели вы действительно думаете, что два килограмма этих штуковин предназначены для меня одного?»

Я уже собирался уехать в Дублин, когда Маргарет остановила меня: вся съемочная группа немедленно возвращалась в Эбботс-Мид. Я особо не понимал порядок работы Стэнли, но я знал, что мы не были даже на полпути к завершению съемок. Маргарет объяснила, что прошлым вечером, всего через несколько часов после того, как я улетел в Лондон, все в спешке собрали все, чтобы подготовиться к возвращению в Англию. Я выяснил, что ИРА угрожала съемочной группе и требовала немедленно уехать. Это было незадолго до Рождества, и это, вместе с фактом, что съемки длятся уже долгое время без перерыва, использовалось, чтобы предотвратить утечку в новости: быстрый отъезд выглядел так, будто мы просто делаем паузу, чтобы отпраздновать Новый год.

Размышляя об этом, я вспоминаю, что в месяцы, предшествовавшие этому, возникла иная атмосфера: все больше и больше сигналов тревоги в аэропортах, которые лишали мои путешествия комфорта, будь они на поезде, самолете или пароме – все они были целями для террористических атак. Однажды я сел в ирландское такси, в котором были следы от пуль в сиденьях. Когда я заметил это, то осознал, насколько серьезной была ситуация. Я даже разговаривал с Маргарет о моих страхах: что, если они выяснят, что я работаю на Кубрика, и нападут на меня, чтобы добраться до него? Что, если они нацелились на нас, чтобы привлечь внимание СМИ?

Похожие мысли, возможно, возникли в мозгу Стэнли. Я не знаю, что они ему сказали тем вечером. Угрожали ему лично или отправили письмо в продюсерскую компанию? С другой стороны, я слишком хорошо знаю, какое влияние это оказало на него, Кристиану и всех остальных членов семьи. Я осознал, какое множество людей переставали вести себя нормально, когда слышали имя Стэнли Кубрик. Несколько месяцев спустя, когда «Заводной апельсин» был снят с проката в Англии, стало очевидно, что впечатление, которое на меня производил Стэнли до этого, было несколько ограничено, учитывая, что люди восприняли его и то, что он говорил в своих фильмах, настолько серьезно.

Я думал, что возвращение в Англию будет означать, что я стану меньше путешествовать и у меня будет шанс организовать свое время. Но я ошибался.

Съемки «Барри Линдона» возобновились в феврале 1974 года, в сотне миль к юго-западу от Лондона, где нашлось несколько подходящих зданий, в которых Стэнли мог закончить работу. Ни Солсбери, ни маленькие городки Уилтшира не были готовы к съемкам фильма. Прибытие Hawk Films было сравнимо с вторжением: съемочная группа бронировала все доступное жилье в округе, от гостиниц до частных комнат, находящихся над пабами и ресторанами.

Как и во время съемок в Ирландии, Стэнли оставил Маргарет во флигеле, а я ездил туда-сюда между Эбботс-Мид и съемочной площадкой. Это было не так далеко, как в прошлом году, но от этого не становилось легче: поскольку мне потребовалось меньше времени на поездку, я мог совершать больше поездок каждый день. И это было нелегко: на автомагистрали М3 только что начались работы, поэтому мне пришлось использовать загруженные основные дороги на протяжении большей части поездок. Мне никогда не удавалось добраться до Стэнли меньше чем за три часа. Больше не было поездов и самолетов, и график доставки был полностью на моей ответственности, шел дождь или сияло солнце, стоял туман или бушевали порывы ветра. Часы отдыха, которые мне удавалось выхватывать, ожидая поездки в Дублин, исчезли. Я не мог воспользоваться преимуществами; были только «Мерседес», фургон и гонка со временем.

Без расписания поездов или самолетов для меня было более целесообразно отправляться в путь каждый раз, когда что-нибудь нужно было перевезти из одного места в другое. В перерывах между поездками я впервые получил шанс посмотреть, как Стэнли работает на съемочной площадке. Кажется, он догадывался, что я осматриваюсь за камерами; фактически, он сам намекнул мне проводить больше времени среди техников и актеров. «Осмотришься, но не говори, что ты работаешь на меня, – сказал он. – Просто скажи им, что ты – курьер продюсерской компании». Таким образом, все бы продолжали работать в том же духе, и он мог удостовериться, что все усердно стараются.

В любом случае, я никогда не слышал, чтобы о нем говорили плохо. Все говорили, что Стэнли никогда не прекращает работать и ему нелегко угодить, но он и сам это прекрасно знал. Однако требовательность не означала, что он не стремился заботиться обо всех потребностях своей команды. Он убедился, что они комфортно размещены, что все довольны питанием и что помощник режиссера способен ответить на любые вопросы, которые могут возникнуть у членов съемочной группы. У меня сложилось отчетливое ощущение, что он из кожи вон лез не для того, чтобы убедиться, что все работают в полную силу, а потому, что он был убежден, что потребности других людей были столь же важны, как и его собственные. Казалось, что потребности людей, которых он нанял, были одним из многих одинаково важных вопросов, с которыми он сталкивался как продюсер фильма.

Но актеры, которых я подвозил на встречу со Стэнли для первого интервью около Солсбери, не были согласны с этим.

– Так каков Стэнли Кубрик? – спросил Ганс Мейер, немецкий актер, которого я подобрал в аэропорту. – Правда, что о нем говорят?

– А что о нем говорят? – спросил я из любопытства.

Очень осторожно Ганс признался мне, что пресса изображает его как высокомерного властного режиссера с несколькими довольно странными идеями в голове.

– Я не знаю. Я работаю на него не так долго, – ответил я уклончиво.

– Ну и как идут дела?

– Хорошо, – признался я. Но Ганса, похоже, это не убедило. – Единственное, что я могу вам точно сказать, – добавил я, – это то, что я невероятно занят и у меня практически нет свободного времени.

– О, это хорошо. Каждый, кто усердно трудится, – хороший человек, – заключил Ганс, на этот раз закончив.

На следующий день я подвозил актера по имени Леон Витали в Гластонбери, которое Стэнли считал подходящим местом, есть там зернохранилище или нет. Леон тоже поднял эту тему.

– Ты знаешь Стэнли Кубрика? – спросил он после долгого молчания, которое просто сочилось опасениями. – Каков он?

Стэнли, которого я знал, полностью отличался от того, которого описывали поверхностные замечания актеров. Райан, единственный, кто действительно знал Стэнли в течение последних нескольких месяцев, никогда не спрашивал о нем или его характере. Я думал, что должно было быть какое-то недопонимание. Как может кто-то отличаться таким радикальным образом в зависимости от человека, который его описывает? Когда я встретил Андроса, я попросил его объяснить:

– Почему все боятся Стэнли? Они говорят, что прочитали что-то в газетах... Но что написано в газетах?

– Чушь.

Однажды Стэнли попросил меня поехать в Хитроу, чтобы подобрать Марису Беренсон, исполнительницу главной роли. Он снова и снова просил меня «быть вежливым с ней настолько, насколько возможно», и добавлял: «Она не должна обедать, мы организовали фуршет в честь ее прибытия». Когда я спросил Маргарет, как мне узнать Марису в аэропорту, она ответила, что я не смогу ошибиться: «Эмилио, ищи высокую, красивую, хорошо одетую женщину, это будет Мариса».

В Хитроу я неотрывно смотрел на людей, выходящих из зоны прибытия. Я держал записку с надписью МАРИСА БЕРЕНСОН; после того, что случилось с Райаном, я подумал, что это может быть хорошей идеей. Неожиданно я понял, что записка бесполезна: я увидел девушку, которая двигалась не так, как остальные. Это было почти неуловимо, но она была более элегантной, более нежной; ее можно было выделить из толпы без особого усилия. Мариса была такой, какой Маргарет описала ее: высокой и очень красивой. Я был так очарован ее видом, что не понял, что она движется прямо ко мне с огромной улыбкой на лице. Ей, возможно, дали мое физическое описание: «Эмилио Д'Алессандро, низкий и уродливый».

Красота не мешала ей быть естественной. Когда я встретил ее, то не почувствовал себя запуганным или смущенным. На самом деле ее улыбка показалась мне приободряющей, несмотря на то что моя простая белая рубашка с открытым воротником казалась заметно неуместной рядом с ее текучим платьем, которое покачивалось в такт ее элегантным шагам.

У нас не было проблем с темой для разговора по дороге в Уилтшир. Я думал, что мне нужно говорить по-английски, но Мариса, с которой мы скоро перешли на «ты», отвечала мне на превосходном итальянском. Она сказала, что выучила язык благодаря своей матери романского происхождения. Она спросила про мою семью и почему я назвал дочь Марисой, как ее.

«Я не знаю. Мы просто подумали, что это милое имя», – ответил я. Она радостно засмеялась и положила руку мне на плечо.

– Эмилио, мы можем остановиться и что-нибудь поесть? Я голодна.

– Будет лучше, если мы продолжим путь, – предложил я.

– Я бы предпочла остановиться на перекус, если ты не возражаешь.

Кому я должен был подчиниться, Стэнли или Марисе? Что он сказал? Быть настолько вежливым, насколько возможно...

– Как-то я останавливался поесть в одном месте чуть дальше по дороге, – решил я, – но это явно не ресторан первого класса.

– Ты останавливался поесть там. Для меня этого достаточно.

Я снизил скорость и свернул на проселочную дорогу, по которой достиг импровизированного двора перед местом, популярным среди дальнобойщиков. Мариса без колебаний вышла из машины и кивнула, чтобы я шел вслед за ней. Звон колокольчика, когда мы открыли дверь, был последним звуком, который она слышала. Все оглянулись, чтобы посмотреть, и комната погрузилась в абсолютную тишину. Через несколько секунд кто-то не смог устоять перед соблазном издать один из этих сальных свистков, которыми обычно приветствовали приход красивой кинозвезды. Я молился, чтобы у Марисы было чувство юмора. Она ничего не сказала, прошла впереди меня и направилась к свободному столу. Пока Мариса ела салат, она снова начала оживленно говорить. Она рассказала мне, как работала моделью, о своей сестре, которая была фэшн-фотографом, о своих бабушке и дедушке. Когда мы уходили, раздался еще один громкий свист. Но это было еще не все. За этим последовал рев восхищения, который заставил меня покраснеть, а губы Марисы – сложиться в смущенной улыбке.

В оставшуюся часть поездки Мариса призналась, что тоже опасалась встречи со Стэнли. Она спросила меня, что я думаю, и я успокоил ее, сказав, что пока из всего, что я видел, Стэнли казался действительно хорошим человеком. Я рассказал ей о типично спокойном тоне его голоса и о том, как мне было легко работать на него, потому что он всегда делал то, что хотел, и давал это понять совершенно ясно и никогда не играл, прося одно, когда он действительно хочет другого. Вы просто должны были делать то, что он просит, вот и все.

– То, что я прочитала... – начала она, но мгновенно передумала. – Нет. Может быть, ты и прав. Нужно встретиться лицом к лицу с человеком, чтобы понять, каков он на самом деле.

Когда мы прибыли в Гластонбери, я сказал помощнику режиссера, что Мариса здесь и что обед в ее честь не необходим, потому что мы останавливались по дороге. «Где именно?» – спросил он, удивляясь, что кто-то другой изменил планы Стэнли. «В одном из мест для дальнобойщиков», – быстро ответила Мариса до того, как я успел сказать что-либо.

Она потянулась, чтобы пожать Стэнли руку. Он был застигнут врасплох, выражение лица изменилось, и он поприветствовал ее довольно холодно. Позже, когда мы оказались одни, он недоверчиво спросил меня: «Как это возможно? Даже самый простой актер массовки устраивает переполох из-за обеда, а Мариса остановилась в луже масла посреди захолустья?»

Когда съемки шли на полную катушку, я иногда совершал более трех поездок в день между Лондоном и съемочной площадкой. Я начинал ездить на рассвете и заканчивал посреди ночи. Я не сильно помогал Маргарет, потому что я никогда не оставался во флигеле на время, достаточное для того, чтобы сделать какую-либо работу. После нескольких недель катания туда-сюда между Эбботс-Мид и Солсбери Стэнли снова предложил, чтобы я остался с ним и Андросом на площадке: это был конец моей жизни в дороге – больше не будет ценных ночей, проводимых дома с семьей. Маргарет пыталась договориться со Стэнли так же, как когда мы были в Ирландии, но на этот раз он не собирался отступить. Я оказался в щекотливой ситуации, под перекрестным огнем между Стэнли и Маргарет и, конечно, Жанет, которая вовсе не была счастлива от того, что я переезжаю в Солсбери. Я не знал, что сказать каждому из них,

поэтому я повторял только, что я не могу находиться в двух местах одновременно. Андрос пытался выступать посредником, но, очевидно, Стэнли добился того, что хотел.

Эмилио,

Это на всякий случай, если Андрос позовет тебя до того, как я встану. Стэнли решил, что ты будешь работать с ним в Солсбери, и, поскольку он всегда получает то, что хочет, у меня нет других альтернатив, кроме как согласиться. Я предполагаю, что ты станешь его водителем. Очевидно, что выбор за тобой, но когда ты будешь принимать решение, не принимай меня во внимание, хорошо? У тебя будет намного более высокая зарплата, и ты сможешь водить «Мерседес», который явно предвещает хорошее будущее. По крайней мере тебе не придется каждый день катать туда-обратно по М3.

С любовью.

Твоя Маргарет.

Пока мы снимали в разных элегантных английских деревенских усадьбах, у меня был шанс увидеть, как все сотни восковых свечей, которые я перевозил в картонных коробках, были использованы: было невероятно красиво наблюдать, как актеры двигаются в дрожащем свете этих крохотных огоньков, пока шорох роскошных костюмов, созданных Миленой и Уллой, заполнял комнаты с древней мебелью. Если наблюдать сцену в темноте, можно было легко потерять счет времени.

После нескольких съемочных дней в Уилтон-хаус мы перебрались в окрестности Бата, где снимали в Лонглит-хаус, а затем – в Петуорт-хаус, где Стэнли поставил первую встречу Райана О'Нила и Марисы Беренсон за карточным столом. Стэнли нанял Дэвида Бергласа, знаменитого иллюзиониста, чтобы он научил актеров, как обращаться с картами. Пока я ждал возвращения в Лондон, я наткнулся на него, бродящего по съемочной площадке. Нам обоим было нечего делать, пока Стэнли не дал указаний, поэтому мы скоротали время, болтая. Дэвид рассказал, что Стэнли был полностью захвачен его фокусами. Настолько, что Дэвиду пришлось повторять их снова и снова, пока Стэнли пытался понять, как они работают. Но он не смог. Поэтому он засыпал Дэвида вопросами. Понятно, что Дэвид хотел держать их в секрете, даже если Стэнли Кубрик просит объяснить их. Забавно, но это продолжалось неделями. «Если Стэнли заинтересовался чем-то, он действительно заинтересовался, да?» – подметил Дэвид. И он был прав. «Это очень пронизательное наблюдение, – сказал я и объяснил Дэвиду. – Когда появляется что-то новое, Стэнли сначала хочет узнать, работает ли это, затем когда это работает, затем как это работает. И когда он знает, как это работает, он хочет узнать, когда это может не работать. Можно часами говорить со Стэнли о чем-либо».

Съемки продолжались около года. Это был первый фильм, в котором я принимал участие, и я судил о том, как шли дела, по атмосфере среди технической части съемочной группы. Из того, что я услышал, режиссер-продюсер «Барри Линдона» явно переусердствовал. Когда я шел через съемочную площадку, то слышал все больше и больше нервных комментариев и жалоб. Группа хотела хотя бы одни выходные – перерыв от вечера пятницы до утра понедельника, чтобы можно было провести больше времени со своими семьями. С их точки зрения, это было абсолютно резонное желание, но для Стэнли это было невообразимо: если декорация готова и группа была там, зачем ждать понедельника? «Зачем терять два дня работы?» – вот что он ответил мне, когда я пришел рассказать ему о растущем недовольстве. Стэнли был совершенно неустрашим. Не было ни малейшей причины ждать. Если тебе правда нужен отдых, будет больше смысла в том, чтобы отдохнуть месяц, но когда съемки фильма закончатся.

Постоянные изменениями в съемочном плане были еще одной причиной жалоб: ассистенты готовили съемочную площадку, занимали свои позиции, а затем неожиданно получали

приказ все разобрать, потому что приехал Стэнли и заявил, что хочет снять совершенно другое место действия. Были также дни, когда все было готово, но Стэнли никак не мог решиться начать снимать, поэтому каждый член группы должен был ждать, пока он решит, что делать. Я находился не на том месте, чтобы задавать вопросы; однако, поскольку я провел много времени со Стэнли, я был в привилегированном положении по сравнению с другими. Я часто присутствовал при том, как Стэнли и Джон Олкотт обсуждали что-то, или во время бесконечных телефонных звонков, которые Стэнли делал из своего офиса. Я начинал понимать, что нет ничего произвольного в ожидании или внезапных изменениях плана. Стэнли довольно просто смотрел на то, что не соответствовало той идее, которая была предназначена для текущей сцены, поэтому он предпочитал подождать, пока все станет точно так, как он изначально задумал.

Причиной обычно служила погода, особенно когда фильм снимался на натуре. Стэнли приходилось бороться с изменчивыми атмосферными условиями, особенно когда он работал в Ирландии, но эта проблема стояла и на юге Англии. Отличительной особенностью подхода Стэнли и Джона к съемкам была абсолютная точность. Для интерьерных сцен она могла быть достигнута только после нескольких часов тонкой настройки и регулировки освещения. На улице было еще труднее: одного проходящего облака было достаточно, чтобы полностью трансформировать внешний вид и ощущение кадра, что делало его несовместимым с предыдущими кадрами. Стэнли ежедневно просил прогноз погоды и соответствующим образом адаптировал свой график. Когда мы были в Ирландии, он проигнорировал местный прогноз погоды и выразил доверие к прогнозам Лондонского метеорологического офиса, которые он считал более надежными. К сожалению, метеорология в то время была столь же научной, как если бы вы заставили кого-то забраться на вершину столба и смотреть на горизонт. Над головой Стэнли то и дело возникали дерзкие облака, заставляя его остановиться, перенести или отложить съемку.

Стэнли предвидел это. У него в договоре о финансировании даже был пункт, в котором говорилось, что ему не нужно тратить свои собственные деньги в случае неподходящей погоды. Стэнли позаботился обо всем; он был готов справиться с неожиданными проблемами, человеческой ошибкой и силами природы. Он сделал все, что мог сделать человек, чтобы защитить себя и своих сотрудников, но его сотрудники не понимали этого и спрашивали себя, какого черта он ждет. Я мог бы успокоить их, объяснив им все это, но Стэнли никому не рассказывал, что происходило в его офисе. Даже главы департаментов не знали, из-за чего так внезапно менялся план. Я задал себе этот вопрос: знание причины этих изменений и задержек скрашивает потерянные минуты или часы? Я понимал, почему Стэнли вел себя так. Я также понимал тех, кто продолжал жаловаться.

Через пять месяцев в Англии Стэнли заявил, что он удовлетворен, и остановил съемки. Работа над фильмом, которая охватывала ирландские деревни под Дублином и весь юг Англии, неожиданно сконцентрировалась в Эбботс-Мид. Различные департаменты были закрыты, персонал был уволен, а Стэнли остался наедине с монтажерами и звукоинженерами. Они работали в гараже рядом с теплицей. Несколько месяцев назад, когда мы были в Ирландии, он был звукоизолирован и превращен в монтажный цех с мувиолой и аудиомикшерами. Стэнли проводил там целый день. Он был еще более сконцентрирован на фильме, чем во время съемок. Никто не мог помешать ему, даже менеджеры Warner. Андрос отфильтровал все звонки. Только Джулиан разрешалось говорить со Стэнли.

Музыка, которую выбирали для озвучки фильма, наполнила воздух в Эбботс-Мид. Стэнли слушал ее в своем кабинете на первом этаже во время перерыва, пока Кристиана и Ян воспроизводили ее в стерео во флигеле. Стены буквально тряслись. Большую часть времени я где-то бегал по поручениям, но Маргарет должна была оставаться там весь день. Когда я вернулся, она в отчаянии закатила глаза и положила руки на уши.

Как и все аспекты «Барри Линдона», выбор музыки был результатом длительных исследований. Годами Стэнли слушал кассеты и пластинки классической музыки и ирландского фолка. Кристиана и Ян помогали ему. Они выросли, окруженные музыкой, потому что их мать, Ингеборга Харлан, была знаменитой в Германии оперной певицей. Стэнли постоянно спрашивал свою жену и ее брата, какая из записей произвела на них наибольшее впечатление. Это было первым тестом, и записи, которые они выбирали, откладывались в сторону и прослушивались снова. «Ты слышала это? Как думаешь, это подойдет к сцене? Тебе не кажется, что нужно что-то погромче?» Когда Стэнли сосредотачивался, он не замечал, что может быть утомительным. «Стэнли, пожалуйста, остановись! Просто дай мне писать мои картины!» – взмолилась Кристиана, вымотанная этими бесконечными вопросами. Поэтому Стэнли переключил внимание на Яна: «Ты выяснил, кто дирижер оркестра? Ты знаешь, где он живет? У тебя есть другие исполнения этой вещи?»

Вместо того чтобы арендовать дорогие студии звукозаписи, Стэнли разыскивал церкви или театры, где была возможность записать оркестр. Для «Барри Линдона» он отыскал церковь в Ричмонде, Суррей. Он также использовал «Барбикан-центр». Официально он еще не был открыт, но концертный зал функционировал. «Прекрасно! – распорядился Стэнли. – Он обязательно будет доступен и будет дешевле!» Звуковые эффекты были записаны в студии Bushy Studios – старой киностудии, в которой в то время были отличные средства для звукозаписи. Однажды мне пришлось для чего-то приехать в студию, и я увидел, как звукорежиссеры собирались стучать кокосовой скорлупой и бегать вокруг по песку, который они рассыпали по всему этажу студии. Они записывали звук копыт лошадей, потому что живая запись была недостаточно хорошей. То, что они могли сделать, было удивительно: они казались совершенно сумасшедшими, но потом, когда я смотрел фильм на экране, то как по волшебству услышал настоящие копыта. Лошадь без лошади.

Три года прошло с тех пор, как Стэнли начал работать над «Барри Линдоном». Три года работы перед тем, как проектор смог высветить то, что до этого момента было всего лишь идеей в голове Стэнли. Три года для трех часов фильма.

Первым проектором, который прикоснулся к фильму, стал находящийся в частном кинозале в Эбботс-Мид. Андрос командовал и отвечал за смену катушек, пока семья сидела на диване и стульях. Катарина, Аня, Вивиан, Ян и его жена Мария были там. И конечно, Кристиана. Она была в первом ряду, где ей и полагалось. Пока фильм не закончился, она не переставала говорить со Стэнли. Они обсуждали каждую сцену: Стэнли многократно спрашивал мнение своей жены и очень внимательно выслушивал. В течение фильма Кристиана хвалила его; ей понравился фильм. Она сказала, что он вернул чистую красоту тех мест, где они жили во время съемок. Атмосфера работы в Ирландии повлияла на сам фильм; там было все: роскошные костюмы, кристально чистая картинка, неподвижная элегантность актеров и романтизм музыки. Все было идеально на месте и способствовало окончательному результату, который она сочла невероятно красивым и подвижным. «Барри Линдон» удовлетворил художника внутри нее. Она говорила об этом в течение нескольких дней.

Эта чрезвычайно позитивная реакция, возможно, преуменьшила разочарование Стэнли, когда фильм показал плохие сборы в прокате. Несмотря на благоприятные отзывы, американская публика не казалась заинтересованной в «Барри Линдоне». Стэнли не мог понять почему и преследовал Джулиана. После трех лет напряженной работы ему было нелегко согласиться с тем, что посетители кинотеатров не разделяли страсть, которую он вложил в картину. С другой стороны, в Европе реакция были отличной. Фильм имел огромный успех во Франции и Италии. Я был рад, что мои соотечественники отреагировали на фильм так, как Стэнли надеялся.

После того как фильм вышел в декабре 1975 года, Эбботс-Мид вернулось к обычной жизни, в основном как частного дома Стэнли Кубрика. Еще оставались четкие следы того,

что он использовался как офис Hobby Films: офисы были загромождены огромным количеством принадлежностей, а на парковке стояли контейнеры. Одной из выдающихся проблем были костюмы. Стэнли решил сохранить их, потому что думал использовать их для другого проекта, о котором он часто говорил: фильма о Наполеоне Бонапарте.

Гаражи Эбботс-Мид были переполнены, а складские помещения Bullens были, как и предсказал Андрос, переполненными наследием «Заводного апельсина». Таким образом, костюмы хранились на арендованном складе в Bushy Studios. Однако там было мало места, и Стэнли подумал, что склад плохо вентилируется: мы с Андросом должны были по очереди ездить туда каждый день, оставлять дверь открытой и перемещать костюмы («убедитесь, что вы всегда находитесь рядом на тот случай, если кто-то, проходящий мимо, курит и бросит туда бычок по ошибке...»). К счастью, у Андроса была идея, которая спасла нас: он был знаком с генералом из королевского полка и предложил Стэнли, чтобы солдаты использовали костюмы для официальных парадов. Стэнли согласился: костюмы были износостойкими и не пострадали. Фактически использование заставит их выглядеть более живыми и не такими новыми, что больше подходило для «Наполеона».

Когда ангар на Радлет опустел, 32 грузовика были проданы по специальной цене людям, которые планировали использовать их в дальнейшем. Стэнли сохранил один бело-голубой микроавтобус и сказал мне использовать его во время поездок в Лондон. Красно-белый достался Андросу, решившему купить «Мини», который Райна О'Нил оставил в Эбботс-Мид, когда вернулся в Америку.

Наконец он вернул мне «Юнимог». Он больше не использовался как камерваген и мог быть возвращен в гараж. Я устроил ему тщательный сервис, заменил масло, почистил двигатель и заменил шины; в конце концов, он проделал по крайней мере тысячу миль туда-обратно между Солсбери и Дублином. Я тщательно вымыл и отполировал его, потом закрыл двери гаража и оставил его, чтобы получить с трудом заслуженный отдых.

Глава 4

Всегда открытые двери

По моему контракту я получал деньги за целый рабочий день, а не за каждый час работы. Мы обсуждали это, когда я переходил из «Миникэбов Мака» в Hawk Films, тогда это показалось мне лучшим решением. Моей недельной зарплаты от Стэнли хватало на нужды моей семьи и на то, чтобы оплачивать ипотеку. Мне больше нравилась фиксированная зарплата, потому что она означала, что я всегда знал, сколько денег мне придет, и я мог спланировать свои расходы. Более того, когда я обсуждал это со Стэнли, я вообще не представлял, как работает режиссер, и мне не хотелось остаться без зарплаты во время перерыва между съемками.

Зарплату я получал всегда от Стэнли, кроме оплаты работы во время съемок, когда мои услуги становились производственными затратами и оплачивались Warner Bros. Это было неудобно, когда мы снимали «Барри Линдона». Когда я приносил мое недельное расписание в административный офис, секретари обращали внимание, что я работал больше, чем разрешено профсоюзом.

– Как так, у вас только пять свободных часов в день? Вы уверены, что это правильно?

– Да, все верно. – а после я невинно добавлял: – вообще-то, у меня есть немного меньше, чем пять свободных часов в день. Я округлил часы работы.

Они вызвали Стэнли и в заговорщицком тоне сказали ему:

– Этот человек слишком много работает. Это может привести к проблемам.

Стэнли не стал терять времени:

– Эмилио, лучше не приближайся к этим профсоюзам!

После этого Warner Bros оплачивал мне определенное количество рабочих часов в день. Стэнли составил еще один контракт и оплачивал мне остальные часы.

Не только я отказался от профсоюзов. Андрос и Маргарет последовали моему примеру и наплевали на закон о рабочих часах, Стэнли, разумеется, тоже. Перерыв на чай, обеденный перерыв, выходные – этого всего просто не существовало. Как только мы начинали работать, мы работали, пока не заканчивали. Я понимал, чего хотели добиться профсоюзы: они хотели защитить рабочих, но мне это было не нужно. Стэнли однажды сказал мне, что позаботится обо всех людях, которые поверят в него, и он действительно делал это. Проблема заключалась в том, что я никогда не мог проследить, сколько времени я провел во флигеле. Неудивительно, что Жанет была недовольна.

– Почему ты злишься? – спрашивал я ее, когда приходил домой и видел, что она ждала меня и явно была расстроена.

– Жена и должна злиться, когда ее муж не является домой. Я вот всегда прихожу домой. Этого ей было недостаточно:

– Тебя никогда нет, я тебя вообще не вижу, дети тебя вообще не видят!

Об этом мы чаще всего говорили дома. У Джулиана и Андроса была такая же ситуация. Нам всем приходилось делать что-то с давлением в семье, появившимся благодаря Стэнли.

– А что об этом говорит Кристиана? – спросила однажды Жанет.

Кристиана прекрасно знала, насколько выматывает жизнь со Стэнли Кубриком, и, точно так же, как и мы, она пыталась защитить себя. Она постаралась создать некоторое личное пространство у себя дома и делала все возможное, чтобы быть терпеливой и принять тотальную преданность мужа своей работе. Нет никаких сомнений, что она понимала, что единственным верным решением является позволить ему делать все, что он хочет: он был настолько помешан на своей работе, что вряд ли осознавал свои требования к тем, кто на него работал.

В реальной жизни мы предпочитали не говорить об этом: однажды я должен был забрать Кристиану из Лондона, но я опоздал. Она не дала мне ни одного шанса извиниться, потому что она прекрасно знала, почему я не приехал вовремя. Ее улыбка достаточно очевидно показала, что она не хочет об этом говорить. Пэнни, жена Джулиана, делала почти то же самое. Между женами, окружавшими Стэнли, как будто бы был некий пакт о ненападении: они прекрасно понимали, что Эбботс-Мид сильно раздули, провозгласив его центром вселенной, при этом они делали вид, что все нормально, и болтали о своих детях и их школах либо о чем угодно другом, если только речь не касалась Стэнли и его фильмов. Жанет в деталях интересовалась моей работой, но только когда мы были дома. Иногда дома я слышал критику вместо вопросов:

– Ты вообще думаешь о своих детях?

– Я работаю так много именно потому, что думаю о своих детях! – отвечал я, но этого было недостаточно для нее.

– Почему работа, которую ты делаешь для Стэнли, важнее всего?

– Это моя работа. Это то, что я делаю: я делаю то, о чем просит меня Стэнли.

– Безрассудные вещи.

– Это то, о чем он просит. Неважно, мы все в одной лодке.

Разговор вел в тупик. Жанет говорила, что, даже если бы я работал меньше, я мог бы зарабатывать достаточно денег, чтобы содержать семью. Я отвечал, что не так-то просто найти работу с регулярной зарплатой и ответственным боссом. Она была в состоянии вспомнить, через что мы прошли в прошлом.

– Я просто хотела бы чаще видеть тебя. Я хочу нормальной жизни, – сказала она однажды, после того как мы не виделись три дня.

– Но что такое нормальная жизнь? – ответил я. – Нормальная жизнь – это когда вы оглядываетесь, и вы счастливы тем, что вы уже сделали. Когда вы можете обеспечивать свою семью, давать своим детям пространство, чтобы жить и расти свободно. Это нормальная жизнь, Жанет, и я делаю все, что могу, чтобы сделать все это возможным для вас.

Сразу после этой фразы зазвонил телефон.

– Боже! – воскликнула Жанет. – Он даже не дает нам времени обсудить нашу жизнь!

В тот вечер я был более замкнутым, чем обычно. Я все думал о том, что сказала моя жена, думал о ее обвинениях и вообще о том, были ли ее слова обвинениями. Я думал о ее одиночестве, о том, как грустно ей было видеть, что наши дети растут без меня. Конечно, я все это знал. Я старался загнать эти мысли подальше, но я знал, что это правда. Но то, что я сказал, тоже было правдой. Я трудился на благо моей семьи и каждое утро чувствовал удовлетворение от того, что иду на работу, которой мне нравится заниматься. В этом и была проблема: даже если выгнули спину ради Стэнли, вы чувствовали себя хорошо. Он создал такую приятную, лояльную, прозрачную и простую среду, что даже тяжелая работа казалась приятной.

Жанет могла уйти, она могла бы бросить меня. Я помню, как однажды подумал об этом, сидя за бумагами в офисе Стэнли. Несмотря на это, когда Андрос пришел к нам в гости на ужин и мы до слез смеялись над всеми абсурдными вещами, которые каждый день происходили в Эбботс-Мид, я увидел, как она улыбалась. Это была гордая улыбка, которая появляется на лице жены гонщика, когда она бежит обнять своего мужа, после того как он выиграл гонку. Когда я пришел домой, она уже была в кровати с книгой. Она ждала меня. Она сказала только:

– Ты дома. Все в порядке?

Затем она отложила книгу:

– Иди сюда, давай поспим; нам надо обоим завтра поработать.

Ее необыкновенный характер снова пришел нам на помощь. Она меня поцеловала, выключила свет и легла рядом.

Иногда жизнь принимает решения вместо тебя. Ты не всегда можешь выбрать гоночную трассу, иногда все, что тебе остается, – постараться удержать автомобиль на дороге и не потерять управление, когда ты войдешь в самый трудный поворот.

– Попробуй, – говорила Жанет несколько лет назад, когда мы обдумывали предложение Hawk Films, – давай посмотрим, что из этого получится.

С тех пор все пошло быстрее, чем когда бы то ни было, и казалось, что работа поглощает все остальное. В такие моменты все, что вам остается, – это двигаться вперед; вам нужно продолжать двигаться и делать все, что возможно. В те годы ряд неожиданных событий неразрывно связал мою семью со Стэнли и Кристианой.

Еще до того, как мы начали снимать «Барри Линдона», Стэнли сказал мне, что уволил своего шофера. С того момента я должен был отвозить его детей в школу. Мне было жаль Лэсли. Он старел, я боялся, что ему будет сложно найти работу. Сидя напротив Стэнли, я признался, что нахожусь в смущении, потому что не хочу, чтобы Лэсли думал, что он потерял работу по моей вине. Стэнли туманно объяснил причины, по которым он уволил Лэсли, но он был совершенно уверен, что я понял, что у него были на то причины. Это было «неизбежным решением», и мне не стоило беспокоиться.

Пока чета Кубриков находилась в Ирландии, я проводил каждое утро около полутора часов с их дочерьми в их «Мерседесе». У девочек были совершенно разные характеры: Ане было 12, и она была очень тихой и задумчивой. С другой стороны была Вивиан, на год младше, она была живой и не могла усидеть ни минуты на месте. Катарине было 18, и она была очень похожа на мать – такая же добрая и спокойная. Когда они сидели бок о бок на заднем сиденье «Мерседеса», что тут начиналось! Аня хотела слушать классическую музыку, вкусы Вивиан были более современными – она хотела слушать рок и новомодных исполнителей. Аня хотела сделать потише – Вивиан обратно поворачивала уровень громкости и делала даже громче, чем было. Катарина начинала их отчитывать и просила меня, чтобы я их остановил.

Из-за своего трудного характера Вивиан постоянно требовала к себе внимания. Она никогда не хотела зла, но с ней было тяжело: она всегда была готова набедокурить. Она казалась сорванцом, но внутри была очень милой. Когда я просил ее угомониться, она топала ногой, убегала и злилась весь день. Но, когда наступал вечер, перед тем как пойти в кровать, она узнавала, где я, приходила, извинялась и целовала меня на ночь с озорной улыбкой. Я также начал возить их на вечерние курсы. Аня пела, Вивиан играла на фортепиано и работала над дикцией, Катарина обучалась верховой езде. Дети Стэнли больше времени проводили со мной, чем с ним, а я проводил больше времени с его детьми, чем со своими. Жанет не видела в этом ничего смешного.

Однажды Стэнли спросил, не могу ли я преподавать Ане уроки итальянского. Он умел удивлять странными просьбами, которые он произносил совершенно неожиданно, пока вы говорили о чем-то другом.

– Большая часть опер поется на итальянском, – сказала он, чтобы убедить меня, – она сможет их понимать, если ты ей немного поможешь с произношением.

– Стэнли, я даже школу не окончил. Может быть, лучше нанять квалифицированного педагога в Лондоне?

– Всего один час в день... Давай, Эмилио.

После нескольких недель работы над произношением Ани мне нужно было возвращаться к Стэнли: час, проведенный с его дочерью, передвигал все на более позднее время, и я рисковал постоянным откладыванием одного обязательства за другим. Как сказал бы Андрос, эксперт по этому вопросу, теория небольших неудач, которые могут разрушить целую испытанную и проверенную систему, продолжала работать.

Сильвестра, одного из котов Стэнли, сбила машина на Барнет-Лэйн. Он стал второй кошкой, которую задавили у дома. То же самое случилось с Пэнни незадолго до этого. Когда Стэнли

позвонил мне и попросил решить проблему, я вспомнил, что сказал Андрос, и почувствовал уныние. Я собрал всю свою волю в кулак и сказал:

– Стэнли, если забор, который ты попросил построить декораторов «Барри Линдона», не работает, чего ты хочешь от меня?

– Чтобы ты попытался.

– Невозможно контролировать кошек! На заднем дворе нет никаких ограждений, чтобы остановить их. Они все равно выберутся. Что мы можем сделать?

– Хотя бы найти решение для передней части дома, чтобы машины не сбивали кошек. Ты ведь что-нибудь придумаешь, Эмилио?

Декораторы огородили забором боковые части дома. Они вогнали огромные столбы в землю и прибили к ним обшивку. Обшивка также прикрывала внутреннюю и верхнюю часть забора. Это было хорошим решением, но кошки впивались своими когтями в дерево, лезли наверх и падали на другую сторону. Возможно, если бы мы использовали другой материал, им бы этого не удалось. Я заменил обшивку наверху листами оргстекла. Неделю спустя я услышал, как Андрос ругается во дворе. Я спустился и увидел его в окружении Маргарет и Стэнли, которые разглядывали оранжевый Mini, который мы купили для Райана. Алиса, другая кошка из особняка, родила котят прямо внутри автомобиля.

– Ты видишь, Эмилио, кошки больше не могут выбраться наружу. Спасибо.

– Черт возьми! – обиженно воскликнул Андрос. – И как я до дома доеду?

– Возьми такси, завтра тебя заберет Эмилио.

Стэнли добавил, что мы должны повесить две видеокамеры на деревья. Их нужно подключить к мониторам во флигеле, чтобы Андрос и Маргарет могли проверять, что никто, включая собак, не ходит возле Mini и не трогает Алису.

– Кто их возьмет? – наконец сказал он.

– У меня уже есть кошка, – быстро ответил Андрос.

– А у меня есть Вишбон и Розмари, – сказала Маргарет.

– Ну тогда решено, – заключил Стэнли, – Эмилио может их взять себе.

Что? С чего это?

– Мне сначала надо поговорить с Жанет, – возразил я, – У Марисы астма, я не знаю, можно ли...

– Астма – это не аллергия на кошек, – прервал меня Стэнли. Мы вернулись в офис.

Мариса и Джон назвали котят Джинджер и Розы. Стэнли попросил нас держать их как минимум 15 дней в закрытой комнате и не выпускать. Так они привыкнут к месту и не убегут. Это было ужасной идеей. Они практически разгромили нашу гостиную: они содрали обои и поцарапали всю мебель.

– Позвони Стэнли и скажи, что они наделали! – орала Жанет. – А потом дай мне трубку, потому что мне тоже есть, что ему сказать!

– Я все исправлю, я извиняюсь, я все исправлю! – повторял Стэнли. – Я пошлю людей, они все исправят, я обещаю!

Когда пришло время выпустить котят, я открыл дверь в гостиную. Вопреки ожиданиям Стэнли Джинджер и Розы выбежали на улицу, перепрыгнули через забор, который он построил, и через секунду они были уже на гигантском дубе в соседском дворе. Теория Стэнли по тренировке кошек полностью провалилась: Джинджер и Розы так и не стали домашними котятками и очень редко проводили время дома. Они приходили, только чтобы поесть, а остальную часть времени болтались по Фарм-Роуд. Кошки сами решали, где они хотят жить, и даже если они знали о теории Стэнли, они ее игнорировали.

Целый ряд трагических событий произошел зимой 1973 года. У Джека, отца Жанет, случился серьезный сердечный удар, и он умер. Спустя несколько месяцев моя жена попала в больницу: она и так страдала от потери отца, а тут еще и тяжелая форма гриппа. Это так сильно

ее ослабило, что заболевание переросло в ревматическую лихорадку. Я был очень растерян от того, насколько быстро это все произошло. Я позвонил Стэнли и сказал ему, что не смогу вернуться на съемочную площадку, потому что мне нужно заботиться о Жанет. Я рассказал ему, что попросил наших соседей присмотреть за Марисой и Джоном. Стэнли прервал меня:

– Не впутывай друзей в свои беды. Привози детей в Эбботс-Мид. Мой дом – твой дом.

Я посмотрел на Жанет, лежащую на больничной койке. Она казалась такой далекой за стеклом, которое отгораживало ее комнату. Это ужасно меня расстроило. Я полагался на нее во всем и чувствовал себя потерянным. Мои родители и брат вернулись в Сант-Анджело, а сестра жила очень далеко в Уэльсе. Я был один. Один без нее.

– Не волнуйся, – сказал Стэнли, как только я вернулся в Солсбери. – Не волнуйся, – повторил он снова.

Как какое-то магическое заклинание, это успокоило меня.

– Не переживай, отправляйся ночевать в Эбботс-Мид, тогда тебе не нужно будет расстилать постель дома. Не волнуйся и оставайся с Жанет, Андрос позаботится обо всем.

Стэнли делал все, что возможно, чтобы облегчить эту ужасную ночь на моих плечах. В этот же день Кристиана послала мне огромный букет цветов с открыткой для моей жены. И она, и Стэнли знали, как оказывать внимание и поддержку, при этом не заставляя чувствовать других людей стесненными. Это редкое качество. Когда наступило лето и съемки закончились, Кубрики вернулись в Эбботс-Мид. Именно тогда я понял, что я не один. Стэнли и его жена заботились о Джоне и Марисе. Они относились к ним так же, как к Катерине, Ане и Вивиан. Они как будто стали одной большой семьей. Когда я осознал это, я почувствовал огромное облегчение. Без Джека, без моих родителей, без моих брата и сестры я полагался на Стэнли. Он был моим маяком во время шторма.

Когда родители Стэнли приехали из Лос-Анджелеса в гости, он сказал:

– Я не знаю Лондон. Проведи им экскурсию. Не волнуйся ни о чем, обо мне вообще забудь. Я сам разберусь, в конце концов, возьму такси.

Прежде чем я успел возразить, он добавил:

– Посвяти все свое время им. Обращайся с ними, как если бы они были твоими родителями.

В аэропорту я увидел двух довольно пожилых, но оживленных людей. Джек был очень высоким и худым, он был элегантным, но держался просто. Герти была миниатюрной женщиной с непослушными седыми волосами. Стэнли был похож на нее, особенно в манере говорить: спокойно с долгими паузами для размышления. У них было одинаковое выражение лица: проныцательное, но внезапно меняющееся, часто переходящее в иронию.

Я понимал, что Стэнли очень близок со своими родителями, несмотря на то что они жили на разных континентах уже больше 10 лет. Я также очень хорошо знал, что физические дистанции не важны, когда речь идет о семейных узах. Эти расстояния становятся еще менее значимыми, если вы любите телефон так, как любил его Стэнли: он звонил своей сестре Барбаре в Коннектикут почти каждый вечер. Он был невероятно счастлив, что его родители рядом и он может поболтать с ними за совместным ужином. Я никогда не видел, чтобы он столько улыбался.

В последующие дни я показывал Джеку и Герти окрестности Лондона. Это позволило и мне почувствовать себя туристом. Возможно, я знал Лондон лучше Кассино, но это касалось только улиц и некоторых маршрутов. Родители Кубрика ходили в музеи и галереи, они проявили большой интерес к местной архитектуре. Когда они спрашивали меня, было ли здание, мимо которого мы проезжали, построено в георгианском или викторианском стиле, я отвечал:

– Вам лучше поговорить с Кеном Адамом!

Так как я не много знал об истории Лондона, я просто рассказывал им истории со съемок фильмов Стэнли и показывал, где живут актеры. Когда я привозил их вечером домой, мне не

нужно было отчитываться перед Стэнли. Джек с энтузиазмом рассказывал ему обо всем, что произошло.

– Но где ты нашел этого парня, а? – спрашивал он у своего сына.

– В старой газетной вырезке, – говорил, смеясь, Стэнли.

Много месяцев спустя, когда был закончен «Барри Линдон», а Жанет выздоровела, я попытался найти правильный момент, чтобы поговорить со Стэнли о моей работе. Я хотел найти способ удовлетворить желание моей жены и проводить больше времени дома.

– Ты всегда приходишь ко мне с просьбами от других людей о деньгах, но никогда не просишь для себя, – сказал он, после того как я показал ему бумаги о повышении тарифов от домовладельцев и от секретарей, которые просили передать документы.

– Вообще-то, именно об этом я и хочу с тобой поговорить.

Он перестал просматривать документы, разбросанные по его столу, и поднял глаза.

– Я никогда не прихожу просить у тебя больше денег, потому что деньги меня не интересуют, – сказал я. – Я имею в виду, интересуют, но только в смысле, что мне нужно достаточно денег на нужды моей семьи.

– Этого достаточно?

– Да, Стэнли, ты говорил мне, что мне не придется беспокоиться о чем-либо, что ты позаботишься обо всем, так и происходит.

– Но что-то не так?

– Вообще-то не то чтобы не так... Мне не нужно больше денег, мне нужно больше свободного времени.

Стэнли ничего не ответил.

– Я почти не вижу детей. Они выросли, а я даже не заметил. Иногда я их не вижу неделями.

– Что говорит Жанет?

– Она говорит только то, что хотела бы, чтобы я больше времени проводил с ней. Но есть и другая вещь, о которой она не говорит, но я так думаю: я уверен, что она ничего не говорила, пока мы снимали «Барри Линдона», потому что она знает, что, когда мы работаем над фильмом, обычные правила не работают. Ссоры в этот период только усугубили бы обстановку и вымотали бы меня еще больше, но теперь съемки окончены, мы поговорили и...

– А что, если я повышу тебе зарплату? – прервал он.

– Речь идет не о деньгах, Стэнли! Даже если ты дашь мне больше денег, у меня не будет времени их тратить. Все, что я хочу, это больше свободного времени; рабочих часов, которые более... приемлемы.

– Это невозможно.

– Ты даже не разобрался, о чем идет речь! Это важно, Стэнли.

– Если ты не видишь своих детей, приводи их сюда. Им здесь нравится.

– Ты ведь знаешь, я не сижу на одном месте. Я и так их видеть не буду. Тем более у нас есть свой собственный дом, Стэнли. Достаточно будет того, чтобы я возвращался домой чуть раньше или проводил некоторые вечера вместе с ними, так, чтобы мы могли сесть за стол и поужинать, а не видели бы друг друга несколько минут, перед тем как разойтись по спальням. Даже выходных будет достаточно, – заключил я, – давай попытаемся найти решение, потому что это очень важно для меня.

– Ну, пока просто прими повышение зарплаты, – сказал он и снова вернулся к просматриванию бумаг на своем столе.

Если бы я не был очень внимательным, я бы не заметил, что что-то изменилось. Иногда я возвращался на Фарм-Роуд рано и спрашивал себя, было ли это новым подходом к моей работе или просто счастливым совпадением: внезапный день, в котором не было много дел. Иногда мне удавалось урвать целые выходные, но это происходило и до моего разговора со

Стэнли. Я помнил каждые такие выходные, потому что я брал Марису, Джона и Жанет за город на пикник. Она перестала говорить о своем недовольстве, и, когда однажды в субботу мне позвонил Стэнли и попросил приехать, я посмотрел на нее и спросил:

– Скажи мне, чего ты хочешь, и я так и поступлю.

– Ты должен делать то, что ты хочешь, – тут же ответила она, – и так, как ты всегда поступал.

Эбботс-Мид ненадолго стал домом для моих детей, но он также всегда был открыт для друзей. Учитывая число людей, с которыми был знаком Стэнли, и число людей, которые были знакомы с ним, казалось, что весь мир по очереди приезжал в особняк: писатели, телевизионные продюсеры, актеры, критики, романисты, сценаристы и режиссеры. Появлялось столько имен, что мой органайзер просто разрывался. На всякий случай, Стэнли хотел, чтобы у меня и у Кристианы была копия его телефонной книги. У Катерины, Ани, Вивиан и даже Яна тоже были копии. Я думаю, Стэнли мог быть уверен, что его книга с адресами и телефонами не потеряется, ее не украдут, она не порвется, не сгорит и вообще ничего с ней не случится.

Риккардо Араньо часто можно было увидеть в саду Эбботс-Мид. Он был итальянцем, который жил в Италии с 60-х. Он был сценаристом, а также работал журналистом ВВС. Он относился к тому типу людей, с которыми Стэнли сдруживался по большей части из-за их чувства юмора: он всегда умудрялся находить самый ироничный способ, чтобы над кем-то подшутить. Если ваши ироничные ремарки заставляли Стэнли смеяться, он становился вашим другом навсегда. Добавьте к этому, что Риккардо прекрасно готовил. Стэнли всегда расстраивался, что я кардинально не соответствовал итальянскому стереотипу: я не был гурманом и не умел хорошо готовить. Риккардо, напротив, был великолепен в этом. Стэнли сходил с ума по его рецептам, и каждый раз, когда он приезжал в Эбботс-Мид, его заставляли готовить. Стэнли потом мог весь вечер говорить мне, какой вкусной была паста, которую приготовил Риккардо:

– Какая жалость, что тебя не было и ты не попробовал, Эмилио. Это было так вкусно!

Конечно: какая жалость, что ты отправил меня гонять по делам с одним только бутербродом от Маргарет в кармане, Стэнли.

Дружба Стэнли и работа над фильмами обычно шли рука об руку, так что, когда был закончен «Заводной апельсин», он попросил Риккардо заняться переводом для дублирования фильма на итальянский. Араньо тесно сотрудничал с Марио Мальдези, одним из лучших инженеров постпродакшна и звукозаписи. После «Заводного апельсина» Риккардо и Марио снова работали вместе над «Барри Линдоном», а после над всеми другими фильмами. Они оба были перфекционистами, что делало их сотрудничество успешным.

Стэнли и Риккардо также были охвачены настоящей страстью к видеокамерам и пишущим машинкам. Они часами сидели в саду и обсуждали разные модели, и когда Стэнли находил ту, которой не было у Риккардо, он тут же звонил ему, охваченный детским энтузиазмом. Стэнли был буквально одержим пишущими машинками: он печатал на них практически все и постоянно продолжал покупать новые. Он любил графическую точность напечатанного текста и был действительно вдохновлен машинками, которые могли выводить максимально четкие буквы. Его любимыми моделями были те широкие металлические машинки, которые можно увидеть в полицейских участках в американских фильмах. Практически все записки, которые он оставлял на моем столе во флигеле, были напечатаны, напечатанными были и списки покупок, и инструкции о том, как держать в порядке дом в тех редких случаях, когда Кристиана умудрялась убедить Стэнли уехать куда-нибудь на выходные. Это были длинные указания, упорядоченные в список, в которые он не мог добавить дополнительные инструкции уже ручкой. В основном там было что-то вроде: «Закрывать окна и двери, отключить бытовую технику и позаботиться о животных (каких кошек нужно запускать в какие комнаты; собак надо выгулять на заднем дворе...)» и, конечно, что делать «в случае пожара».

Пока мир наслаждался новым фильмом Стэнли, Андрос и я вернулись в Эбботс-Мид. Я сразу понял, что до того, как я вернулся, Андросу приходилось со всем справляться самому. Стэнли во всем полагался на него. Ни одна из задач не была настолько неважной, чтобы доверить ее кому-нибудь другому, кто также работал в особняке. Я знаю, о чем думал Стэнли: если ты уже нашел кого-то, кто может решить все твои проблемы и сделать все, что ты просишь, точно так, как ты этого и хотел, зачем еще кого-то просить? Это было чудесным решением для Стэнли, но Андроса это значительно обременило.

Одной из сложнейших работ, которую я взял на себя и тем самым облегчил жизнь Андроса, была чистка драгоценных проекторов фирмы Zeiss, которые Стэнли купил в Германии, когда переезжал в Эбботс-Мид. Он полностью перестроил первый этаж дома, преобразовав «эту замечательную гостиную», как говорила Кристиана с нотками разочарования, в профессиональный кинозал. Впервые я увидел проекторы, когда Стэнли показывал «Барри Линдона» своей семье. Я узнал, что, чтобы убедиться в том, что машины работают исправно, их регулярно проверяли техники. Теперь тщательно чистить их каждые две недели так, чтобы у пыли не было возможности лечь на поверхность, стало моей обязанностью. Андрос дал мне специальный набор для чистки: их нельзя было чистить обычной старой тряпкой, потому что ткань могла бы задеть бесчисленное множество рычажков и колец и зацепиться за зубчатые валы, которые отвечали за показ фильма. Пылесос тоже не был выходом, потому что мог бы всосать в себя крошечные винтики, которые не были плотно прикручены. Мне пришлось пользоваться перьевой метелкой и быть аккуратным. Очень-очень аккуратным. Я пользовался влажной тряпкой, чтобы убрать пыль, которая садилась на поверхность и боковые части проекторов, после я протирал все сухой тряпкой, чтобы предотвратить оседание пыли на влажную поверхность. Когда я заканчивал чистку проекторов, я должен был включить их и завести фильм, чтобы убедиться, что они работают исправно. Мне кажется, это были самые ценные вещи, которыми обладал Стэнли.

– Эмилио, – сказал однажды Андрос, держа в руке радиоприемник, – он не работает.

– Что я могу с ним сделать?

– Посмотри. Тебе ведь нравится электроника?

– Нет, я ничего не знаю об электроприборах, извини.

Я взял радио и разобрал его. Я, правда, не знал, что я делал, я просто хотел сделать Андроса счастливым. Все, что я знал об электрооборудовании, что иногда в нем взрываются предохранители, так что просто, чтобы быть уверенным, я их все поменял. И радио снова заработало.

– Стэнли! Радио заработало! – сказал Андрос.

– Кто его починил?

– Эмилио.

– В спальне стоит телевизор. Он тоже сломан.

Стэнли решил дать мне ключи от всех своих автомобилей. Не только от своих личных машин, но и от фургонов, купленных для «Барри Линдона», в тот момент они загромождали задний двор. Он не спрашивал меня, починил ли я их, обновил ли я страховку, сделал ли я вообще что-нибудь с ними: он обращался с ними так, как будто они были моими. Когда я поехал в Италию, он настоял на том, чтобы я взял один из его «Мерседесов», а если мне нужно было поработать по дому, он хотел, чтобы я пользовался его фургоном. Мне было все равно, на чем ездить: роскошные машины, вездеходы, автомобили класса В, фургоны, военные машины и даже автобус, который служил гардеробом на колесах. Как сказала Кристиана: «Дайте Эмилио что угодно с четырьмя колесами и рулем, и он сможет это водить».

Все равно моей любимчиком оставался «Юнимог», он не вызывал проблем, он их решал.

Когда Кристиана попросила меня отвезти ее куда-нибудь поблизости, чтобы она могла нарисовать английский пейзаж, я ответил:

– С удовольствием, но только на моем внедорожнике! – и указал на «Юнимог».

Пока я грузил холсты и мольберты, она пыталась влезть в кабину, прыгая на подножку и вися на ручке в попытках подтянуться. Я знаю, она предпочла бы «Лендровер», но «Юнимог» был таким функциональным.

– Тебе не кажется, что это здорово? – спросил я, запуская двигатель.

Она покачала головой и рассмеялась грохоту, который он производил. Никто не мог понять, почему мы со Стэнли предпочитали «Юнимог».

Наша любовь была за пределами их понимания.

Глава 5

Уроки вождения

В одно из тех чудесных свободных воскресений я сумел осуществить желание, которым вынужден был пренебрегать слишком долго: я вернулся в Брэндс-Хэтч. Когда я подъезжал к трассе, в громкоговорителе я услышал голос Брайана Джонса. «Посмотрите, кто к нам едет! Да это же Эмилио!» – прокричал он. Это было фантастически. Казалось, что прошло всего пять минут, а не пять лет.

Брайан был «голосом Брэндс-Хэтча». Он комментировал «Формулу Ford», «Формулу-3» и кольцевые гонки «Формулы-1». «Хорошо. Рад слышать, что ты вкалывал на работе», – он сказал это одобрительно, когда я рассказал ему, чем занимался. Через мгновение он взял меня под руку и спросил: «Слушай, ты не хочешь снова поучаствовать в гонках?»

Это было мне физически необходимо. В прошлом, когда мне изредка удавалось справиться с заездом, это было, как будто я принимал своего рода лекарство: я забывал обо всем; для меня ничего более не существовало, кроме гоночного автомобиля, трассы и виражей на поворотах. Я был один в своем «Лотусе». Там не было Стэнли, Андроса или Маргарет, как не было Жанет, Марисы или Джона. Там не было родителей, жен, коллег, задач, документов, юристов и страховщиков. Все исчезало, и мой разум становился пустым, свободным и светлым. Брэндс-Хэтч возвращал мне мозги, это восстанавливало меня лучше, чем сон. Я сказал Брайну, что не смогу регулярно заниматься, но он как будто не придал этому значения и спокойно сказал: «Посмотрим, что у нас получится».

Все записи заездов хранились в архиве трассы. Там еще можно было найти подтверждение тому, что за всю карьеру я ни разу не попал в аварию. Я дебютировал на «Формуле Ford» в марте 1968 года. Поразительно, но это было за день до рождения моего сына Джона. Мы окрестили его Джон-Пьером в честь Ива Монтана, модного водителя, выступавшего на гран-при. Я гонял со многими водителями, но в первую очередь с Эмерсоном Фиттипальди и Джеймсом Хантом. Их имена всегда стояли в рейтинге водителей слишком близко к моим. Фиттипальди никто не побил в Снеттертоне. Хант был хорош на Сильверстоуне, а я выступил лучшим в Брэндс-Хэтч. Кольцо находилось в долине, так что там доставало холмов и резких поворотов, в общем, рулить там было очень весело.

– Я знаю, что мы можем сделать, – сказал Брайан, – если ты не можешь практиковаться или пройти отборочный матч, мы можем разместить тебя в сетке на том же месте, где ты был в свой прошлый заезд.

– Ты единственный, кто устанавливает здесь правила, так что, если ты найдешь способ, который позволит мне погонять, я буду счастлив, – ответил я, не скрывая удовлетворенной улыбки.

– И мы тоже счастливы, Эмилио.

Было любопытно обнаружить, что после всех лет, за которые я не поставил в гоночный автомобиль и одной ноги, я все еще мог водить, как в прежние времена. Я был рад открытию, что ездить на гонках – это то же самое, что кататься на велосипеде: один раз научишься – сможешь давить на педали всю оставшуюся жизнь.

Стэнли следил за моими поездками на трассу с расстояния, а потом, с утра в понедельник, он подкинул мне задачу: я должен был научить водить Анию, «возможно, на старой машине». Я купил «Остин 1100» у одного испанца, который работал в Боремвуде. Это была старая развалюха, но с безупречной механикой. Ее недавно ремонтировали, так что тормоза, фары и двигатель находились в отличном состоянии. Это был просто прекрасный вариант.

На чердаке я нашел оценочный лист, по которому Тони Ланфранчи проверял, какие водители соответствуют школе Брэндс-Хэтч. Он состоял из 34 пунктов: список недостатков, которые необходимо устранить, чтобы превратиться в защищенного и успешного водителя. Я сел рядом с Аней и отметил крестиком ошибки, которые допускала она: УПРАВЛЯЕТ РУЛЕМ ОДНОЙ РУКОЙ, НЕ ПРИТОРМАЖИВАЕТ ПЕРЕД ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕМ НА БОЛЕЕ НИЗКУЮ ПЕРЕДАЧУ, СИДИТ В НЕПРАВИЛЬНОЙ ПОЗЕ, НЕДОСТАТОЧНО РАССЛАБЛЕНА, НЕДОСТАТОЧНО ЧАСТО СМОТРИТ В ЗЕРКАЛА ЗАДНЕГО ВИДА, НАЧИНАЕТ ПОВОРАЧИВАТЬ СЛИШКОМ ПОЗДНО и так далее.

Когда все три девушки получили права, Стэнли, хорошо зная, как я вожу, решил, что его дочери должны получить несколько уроков вождения по трассе. Он хотел, чтобы инструкторы провели для девушек краткий курс, который рассказал бы о самых распространенных опасностях на дороге и о том, как с ними справиться. Я написал Брайану и все организовал. Я заполнил все документы на свое имя, как гарантию для Стэнли и его семьи, но Брайану рассказал правду без всяких предисловий и попросил его пообещать никому не рассказывать.

М-р Эмилио Д'Алессандро
94 Фарм-Роуд
Эджвэйр, Мидлсэкс
15 февраля 1978
Дорогой Эмилио!

Извини, что так долго отвечал на твое письмо, написанное 1 февраля. Конечно, мы будем очень рады принять дочерей мистера Кубрика здесь, в Брэндс-Хэтч (ты не говорил, сколько их, поэтому я думал только о двоих). Если каждая из них собирается пройти курс для начинающих и первую ступень противодействия скольжению, все вместе будет стоить 85 фунтов стерлингов. Я вложил список дат, когда мы открыты, и в ответ жду услышать, какие дни подходят тебе.

С наилучшими пожеланиями,
Твой Б.А. Джонс.

За несколько дней до того, как должен был начаться курс, Стэнли поднял эту тему, но как-то запутанно и настороженно.

– Эмилио, ты видел новый «Мерседес ORV»?

– Ты хочешь купить его?

– У него хорошее сцепление с дорогой, верно?

– Полагаю, что должно быть.

– Думаешь, их нужно отправлять на трассу, если на такой машине они и так будут в безопасности?

Это был один из типичных непрямых вопросов Стэнли. Я понял, к чему он клонит.

– Послушай, Стэнли, этот курс подразумевает безопасность водителя наравне с безопасным автомобилем. Я все еще думаю, что это хорошая идея.

– А что из себя представляет Дивина Галика?

Это был еще один типичный прием в манере общения Стэнли: он мог перевести предмет разговора в совершенно другую, логически не связанную область. Дивина была спортсменкой. Она была лыжницей, которая очень успешно выступила на Олимпийских играх несколькими годами раньше. Я упомянул о ней в разговоре со Стэнли, потому что недавно она начала заниматься картингом и автогонками. В каком-то смысле это было началом ее новой карьеры. Она попала на «Формулу-1», и мое внимание привлекло ее итальянское имя на страницах газет.

– Что она представляет из себя... – медлил я, – она девушка. Но нет никакой разницы, пока им нравятся движки, пока они водят аккуратно и не создают на трассе проблем для других. Неважно, кто водитель – мужчина или женщина. Правила для всех одинаковые.

– Так что они одинаковые и для Вивиан тоже.

Вот о чем он думал. Вообще, я мог себе представить, что после Брэндс-Хэтча она захочет себе гоночную машину и, может быть, пять или шесть для своих друзей.

– Стэнли, я не знаю. Я имею в виду, что ты сам знаешь, какая Вивиан...

– Ладно, давай забудем об этом. Может быть, так лучше.

Возможно, Стэнли самому было бы полезно записаться на курсы в Брэндс-Хэтч. Он всегда был такой рассеянный и все время попадал в аварии. Первая случилась сразу после его возвращения в Англию из Ирландии. Он ездил на новеньком золотом 450-м «Мерседесе SEL». Неожиданно он попал в грозу и резко затормозил, когда на дороге, прямо перед собой, увидел яму, наполненную водой (номер 6: ТОРМОЗИТ НЕОЖИДАННО И СЛИШКОМ РЕЗКО). Машина сзади протаранила «Мерседес» и разнесла багажник. Незадолго до этого было много разговоров о ремнях безопасности в новой машине. Стэнли хотел многоточечный тип ремня, хотя представители «Мерседеса» пытались объяснить ему, что ремни такого типа сложно отстегивать. Он сдался, только когда я объяснил ему, что на трассе находится служащий с ножом, который всегда готов разрезать ремни водителя, попавшего в аварию. Но Стэнли все равно остался настроен скептически. Он настоял на проверке результатов краш-теста, чтобы увидеть, сколько будет работать центробежное сцепление. Все, что его интересовало, – это доказательство, что «Мерседес» говорит правду.

Золотой «Мерседес» был несчастливой машиной. Через несколько лет, когда Стэнли работал над «Сиянием», он сказал, что сам доберется до EMI Studios и что я должен встретить его там. Я ждал его уже полтора часа, когда ко мне подошел художник-постановщик: «Есть проблема. Стэнли пробил на своем „Мерседесе“ заднюю стену гаража». Когда я приехал домой, Стэнли все еще стоял посреди обломков: он включил задний ход вместо первой скорости. «Позвони в „Мерседес“, они все уладят», – это было все, что он сказал, сохраняя свое традиционное спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.